Славянская
Миѳологія

сочиненіе

Николая Костомарова.

Славянская Миѳологія.

сочиненіе

Николая Костомарова.

(извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ Св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года).

Кіевъ.

Въ Типографіи I. Вальнера.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 1846 года, Ноября 15-го дня.

Цензоръ **А. Ѳедотовъ-Чеховскій.**

I.

СМЫСЛЪ

МИѲОЛОГІИ СЛАВЯНЪ.

Славяне, не смотря на видимое многобожіе, признавали одного Бога, отца природы, и его существо они понимали сознательнѣе, чѣмъ таинственную Судьбу Греки, а Скандинавы Альфатера, который не участвуетъ въ дѣлахъ человѣческихъ. Единобожіе Славянъ неоспоримо. Прокопій Кесарійскій говоритъ, что Славяне признавали въ его время единаго Бога, творца грома и молніи, и кромѣ того почитали духовъ, которыми, по своему понятію, населяли природу [1]. Тоже говоритъ Гельмольдъ относительно Славянъ прибалтійскихъ: не смотря на то, что Славяне признаютъ много божествъ, они имѣютъ сознаніе о верховномъ существѣ и отличаютъ отъ своихъ боговъ Бога небеснаго, всемогущаго, пекущагося о небѣ и землѣ [2]. У жизнеописателя Оттонова Славяне говорятъ сами, что они признаютъ великаго Бога, обладающаго всѣми богатствами [3].

---

1) De bello Goth. — 2) Chron. Slavor. C. 83. P. 185. — 3) Ebb. vit. S. Ott. Act. Sanct. Jul. 433.

Изъ лѣтописи нашего Нестора видно, что Славяне Рȣсскіе имѣли понятіе о единомъ верховномъ сȣществѣ, котораго по преимȣществȣ называли Богомъ и отличали отъ Перȣна, главнаго изъ второстепенныхъ божествъ [4]. Дрȣгія божества были сȣщества, происходившія или вытекавшія отъ верховнаго. Такъ Гельмольдъ намъ поясняетъ этотъ основной догматъ славянской языческой богословіи: — прочія божества, — говоритъ онъ, — истекли постепенно отъ Высочайшаго Бога и какъ бы раждаются изъ крови его; и отъ того изъ нихъ тотъ выше и совершеннѣе, кто болѣе приближается къ Богȣ-боговъ [5]. Слѣдовательно, коренной принципъ славянской религіи — эманація; по славянскомȣ понятію, и нравственная и физическая природа представляется живȣщею, заключающею въ каждомъ явленіи своемъ жизненный дȣхъ, исходящій отъ зиждителя. Такой принципъ эманаціи подалъ Коллару и Ганȣшȣ [6]. поводъ видѣть въ славянской религіи единство съ индійскою.

Однако, Славянское понятіе о божествѣ совсемъ не пантеизмъ. Богъ, или Прабогъ, какъ называетъ его Колларъ, не самъ образовалъ міръ, не разсѣялся въ своемъ твореніи, а только испȣстилъ изъ себя дȣховъ, которые населяютъ матерію и слȣжатъ какъ бы посредниками междȣ мертвою массою и всеоживля-

4) Др. Текс. лѣт. Нест. 20. — 5) Chron. Slav. ibid. — 6) Nar. spiew. Die Wissensch. der Myth.

щимъ началомъ, но сами существуютъ отъ Бога отлично. Славянское вѣрованіе скорѣе имѣетъ разительное сходство съ ученіемъ Зенд-Авесты объ феруанахъ и изедахъ 7).

Ближайшее къ Богу истеченіе есть свѣтъ, и потому, при тщательномъ разсмотрѣніи, мы найдемъ, что существеннѣйшая часть язычества славянского относится къ свѣтопоклоненію. У Славянъ было вѣрованіе, что существо свѣта являлось на землѣ и воплощалось въ человѣческомъ родѣ. Это ясно изъ одного мѣста Ипатіевской лѣтописи. Нѣкогда царствовалъ на Землѣ Сварогъ (высоч. существо, отецъ свѣта), научилъ человѣка искуству ковать и брачнымъ связямъ; потомъ царствовалъ сынъ его Даждь-Богъ, еже нарицается солнце 8). Въ словѣ Сварогъ можно угадать санскритское слово сваръ, свѣтъ, небо, отъ сего быть можетъ и наше слово варъ. Руководствуясь этимъ важнымъ мѣстомъ, мы постараемся отыскать во многихъ идолахъ славянскихъ, почитаемыхъ за особенныя существа, тоже поклоненіе свѣту физическому и духовному. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ, что въ городѣ Редегастѣ (Ретрѣ), у Полабскихъ Славянъ былъ храмъ съ деревянными изображеніями божествъ, изъ которыхъ высшій всѣхъ былъ Сварожичь 9). Зная, что Сварогъ

7) Zend-Avest. I. B. I. Th. 235. Kleuk. 18-21. — 8) Ип. лѣт. 5. — 9) Chron. L. VI. 135. см. Shaff. cas. czesk. mus. 1844. Sv. IV.

есть свѣтъ и отецъ Даждь-Бога, также свѣта, солнца, нетрудно, кажется, увидѣть, что Даждь-Богъ и Сварожичь лицо одно и тоже. Храмъ его, говоритъ Дитмаръ, построенный изъ дерева, поддерживался въ основаніи рогами животныхъ, стѣны исписаны были разными изображеніями боговъ и богинь; въ храмѣ стояли боги, исчерченные таинственными письменами, страшно убранные въ шишаки со щитами; посреди всѣхъ стоялъ Сварожичь, почитаемый больше всѣхъ боговъ язычниками, которые сносили въ храмъ свои знамена, когда онѣ не нужны были на войнѣ. Хранить храмъ опредѣлены выбранные жителями лица; когда приносили жертвы или умоляли божество утишить гнѣвъ, они сидѣли, въ то время когда всѣ стояли, и, шепча, поочереди ударяли въ землю: такимъ образомъ, они разрѣшали по брошеннымъ жребіямъ сомнѣнія; послѣ етого, украсивъ зелеными вѣтвями коня, почитаемаго священнымъ, проводили его чрезъ копья, воткнутыя въ землю, накрестъ одно къ другому. Когда въ обѣихъ гаданьяхъ замѣчали благопріятное предзнаменованіе, то приступали къ замышляемому дѣлу, ежелижь нѣтъ, то покидали намѣреніе [10]. Городъ, гдѣ стоялъ идолъ въ храмѣ, помѣщается у Дитмара въ деревнѣ Редераріумѣ; онъ съ тремя воротами, и окруженъ священною рощію.

10) Chron. L. VI. 136.

Адамъ Бременскій въ своей церковной исторіи описываетъ въ городѣ Ретрѣ храмъ идола, называемаго Радегастъ. Градъ, гдѣ былъ храмъ, имѣлъ девять воротъ и окруженъ былъ озеромъ, черезъ которое проходили по мосту тѣ, кому надлежало туда итти для жертвоприношеній и гаданій [11]. Тоже говоритъ Гельмольдъ [12], прибавляя, что Радегастъ былъ верховное божество и богослуженіе ему отправлялось очень разнообразно. Въ храмъ стекались для жертвоприношеній и гаданій: эти обряды оба отправлялись вмѣстѣ. Предъ начатіемъ богослуженія, жрецы гадали, и по жребіямъ, давали прореченія: угодна или неугодна будетъ жертва въ настоящее время; и если угодна — то закалали быковъ и овецъ, жрецъ возливалъ на идола кровь жертвы, чтобъ содѣлать его благосклоннѣе; потомъ возвѣщаемы были совѣты и прореченія. Во время борьбы съ Христіанствомъ приносимы были въ жертву и поклонники Іисуса. О наружномъ видѣ Радегаста Адамъ Бременскій говоритъ, что идолъ былъ золотой [13], а ложе у него пурпурное. Конечно, это преувеличеніе: вѣроятно идолъ былъ позолоченный. Подробное описаніе Радегаста оставила намъ хроника саксонская [14]. На головѣ у него сидѣлъ орелъ съ распростертыми крыльями, а на груди была черная бычачья голова, изображенная

11) Script. rer. Germ. Hist. eccles. L. 11. C. 2. — 12) Chr. Slav. 125. 13) Hist. eccles. ibid. — 14) Chron. Sax. in Chr. Slav. Helm. et Arn. C. 53. N. p. 126.

на щитѣ: етотъ щитъ идолъ держалъ правою рукою, а въ лѣвой онъ имѣлъ секиру съ двумя остреями.

Радегастъ и Сварожичь было одно и тоже божество. Доказательства слѣдующія 1 Дитмаръ, говоря о Сварожичѣ, называетъ городъ, гдѣ онъ находился, городомъ Редегаста, а изъ хроники саксонской и любельской мы узнаемъ, что поклоненіе Радегасту было въ разныхъ мѣстахъ Славянщины, и тѣ города, гдѣ находились капища етого божества, назывались его именемъ. Дитмаръ могъ описать одинъ изъ многочисленныхъ храмовъ, подобныхъ тому, какой описанъ въ Ретрѣ Адамомъ Бременскимъ и Гельмольдомъ. 2. Какъ къ Сварожичу, такъ и къ Радегасту приходятъ для жертвоприношеній и оракула. 3. Какъ тотъ, такъ и другой называется верховнымъ божествомъ. Ежелиже Радегастъ однозначителенъ съ Сварожичемъ, то онъ одно лицо и съ Даждь-Богомъ, и означаетъ воплощеніе свѣта физическаго и нравственнаго. Преданіе о царствѣ солнца видно и въ повѣрьяхъ о Радегастѣ; ибо Славяне вѣрили, что Радегастъ былъ герой, нѣкогда царствовалъ со славою, потомъ палъ въ бою и сдѣлался божествомъ [15], т. е. съ нимъ соединяли священную исторію о воплощеніи свѣтоноснаго начала, боровшагося съ противнымъ злымъ существомъ, какъ ниже увидимъ да-

15) Chron. Slav. 126.

лѣе. Но уже довольно ясно, что Радегастъ или Сварожичь былъ посредникъ между небомъ и землею, высшая мудрость; вмѣстѣ съ тѣмъ Вацерадъ говоритъ, что Радигостъ внукъ Киртовъ (коръ - солнце) былъ покровитель гостепріимства и промышленности, ибо гость означалъ и купца [16]. При етомъ, онъ былъ божество войны, что показываетъ оружіе въ рукахъ, и кровавыя жертвы; и потому то его называютъ Марсомъ славянскимъ: мы уже знаемъ, что по славянскому вѣрованію владѣть оружіемъ людей научило божество вмѣстѣ съ земледѣліемъ, какъ и у Зендовъ [17]. Вспомнимъ, что и Аполлонъ представлялся воиномъ, стрѣлкомъ изъ лука; и у всѣхъ свѣтопоклонниковъ свѣтоносное начало изображалось воинственнымъ, въ смыслѣ борьбы его съ мракомъ и зломъ. — Тоже значеніе, какое имѣли Сварожичь и Радегастъ, имѣлъ и Святовитъ, которому первосвященническое богослуженіе отправлялось на островѣ Ругенѣ и описано Саксономъ Грамматикомъ. На меловомъ утесѣ сѣверовосточнаго ругенскаго мыса, стоялъ укрѣпленный, но незначительный по пространству градъ или замокъ, Аркона, служившій для отправленія богослуженія и для укрытія жителей во время непріятельскихъ набѣговъ. Посреди града была площадь; на ней стояло деревянное, изящно обдѣланное, зданіе, въ которомъ находился идолъ

---

16) Mat. verb. 14. — 17) Ипат. лѣт. 5. Zend-Avesta Vend. targ. 11. 307.

Свантовита. Внѣшній входъ въ это зданіе былъ аркообразный и карнизы украшены рисунками грубой работы. Храмъ раздѣлялся на двѣ части; посреди зданія находилось отдѣленіе на четырехъ колоннахъ: вмѣсто стѣнъ ему служили висячіе покровы. Кромѣ потолка, блиставшаго красною краскою, внутреннее отдѣленіе не сообщалось съ внѣшнимъ. Тамъ-то стоялъ идолъ Свантовита, превосходившій огромностію всякій ростъ человѣческій, съ четырьмя головами и четырьмя шеями, съ двухъ сторонъ представлялись двѣ спины и двѣ груди; борода у идола была тщательно прибрана, волосы острижены, такъ — что художникъ подражалъ прическѣ Рюгенцевъ. Въ одной рукѣ идолъ держалъ рогъ съ виномъ, который жрецъ, опредѣленный къ святилищу, наполнялъ ежегодно въ назначенный день виномъ, и по этому вину угадывалъ благоденствіе будущаго года. Лѣвую руку онъ держалъ согнувши, на подобіе лука, — по извѣстіямъ другимъ держалъ въ ней лукъ. Идолъ былъ одѣтъ; одежда достигала до колѣнъ, которыя были сдѣланы не изъ одного дерева съ туловищемъ, но такъ искусно соединены съ нимъ, что проницательный глазъ не могъ примѣтить раздѣла. Ноги его стояли на голой землѣ и подошвы входили въ землю. Подлѣ идола находились его принадлежности: сѣдло, узда и замѣчательный огромный мечъ, котораго ножны и рукоятка блистали серебромъ и прекрасною работою. Свантовиту отправляли богослуженіе въ опредѣленные

дни и гадали о будущемъ. Онъ былъ богъ плодовъ земныхъ и богъ войны. Каждый мущина и каждая женщина считали обязанностію благочестія принести ему въ даръ монету; ему принадлежала также третья часть добычи, взятой на войнѣ; назначалась для его охраненія вооруженная гвардія изъ трехъ сотъ конныхъ воиновъ и столько же пѣшихъ стрѣлковъ, сражавшихся во имя бога и называвшихся его войскомъ: все, пріобрѣтенное или оружіемъ и хитростію, приносилось жрецу, который сохранялъ достояніе божества въ запертыхъ сундукахъ, въ особенныхъ коморахъ. Кромѣ изобилія денежнаго, въ етихъ коморахъ находилось много пурпурныхъ матерій, уже истлѣвшихъ отъ времени, и огромное количество даровъ разнаго рода, общественныхъ и частныхъ, приносимыхъ щедростію дающихъ обѣты. Вся Славянщина питала уваженіе къ рюгенскому истукану, и даже чужеземные цари посылали туда подарки. И въ другихъ мѣстахъ находились такіяже капища и изображенія етого божества; за ними смотрѣли жрецы меньшаго достоинства нежели арконскій. Кромѣ сокровищь, при етомъ храмѣ находился бѣлый конь, котораго гриву и хвостъ запрещено было свивать. Только жрецъ могъ сѣсть на него и кормить его; животное, принадлежавшее божеству, не должно было унижать частою и обыкновенною ѣздою. Славяне думали, что на етомъ конѣ ѣздитъ самъ Свантовитъ и сражается съ своими непріятелями; ето дока-

зывали Славяне тѣмъ, будто часто видѣли, какъ конь, поставленный въ конюшнѣ вечеромъ, утромъ бываетъ весь въ пѣнѣ, какъ бы послѣ долгой ѣзды. Етотъ конь служилъ для прорицанiй. Когда собирались на войну, то передъ храмомъ ставили тройной рядъ копiй, воткнутыхъ въ землю острiями, по два въ каждомъ ряду. Копья стояли на крестъ одно къ другому. Такимъ образомъ, всѣхъ копiй было шесть; разстоянiе отъ перваго ряда до другого было такое же, какое отъ второго до третьяго. Послѣ торжественныхъ молитвъ, жрецъ за узду проводилъ коня черезъ три ряда. Ежели конь, перепригивая, поднималъ прежде правую ногу, то ето считалось счастливымъ предзнаменованiемъ, — а ежели лѣвую — то несчастливымъ, и тогда оставляли предпрiятiе. Равнымъ образомъ, Славяне не прежде приступали къ плаванiю и вообще ко всякому важному дѣлу, какъ испытавши скачокъ животнаго. Кромѣ етого гаданья, жрецы гадали по дощечкамъ: брали три дощечки, у которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная, и бросали: ежели двѣ упадутъ бѣлою стороною — означаетъ счастiе, а ежели черною — несчастiе. И женщины при храмѣ гадали по линiямъ въ пеплѣ на потухающемъ углѣ. При храмѣ Свантовита хранились также священныя знамена и орлы, употребляемые на войнѣ. Славяне питали особенное уваженiе къ одному знамени, которое называлось станицiя; его появленiе возбуждало мужество. Когда Датча-

не взяли его знамя, Арконцы такъ упали духомъ, что потеряли городъ, а до того времени они защищались съ великимъ упорствомъ [18].

Гельмольдъ говоритъ [19], что подъ Свантовитомъ разумѣли Славяне солнце, приписывали солнцу первенство надъ другими божествами и посвящали ему храмъ кумира [20]. Храмъ былъ мѣстомъ прорицанія для приходившихъ изъ разныхъ странъ: туда приносили годовые дары и отправляли жертвы годового очищенія. У Гельмольда онъ называется богъ боговъ; прочіе боги почитались передъ нимъ полу-богами [21]. Подобно Саксону Грамматику, и Гельмольдъ также признаетъ его богомъ войны: между прочими кровавыми жертвами ему приносили и Христіанъ, какъ враговъ этого божества. Свантовитъ былъ покровитель всякаго художества и торговли: каждый купецъ, пріѣзжавшій въ Славянскую землю, не прежде могъ пользоваться свободнымъ правомъ своего занятія, какъ заплативши даръ Свантовиту [22]. Оттого, жрецы обладали большими сокровищами; вся гражданская власть находилась подъ ихъ освященіемъ, и ни на какое предпріятіе не осмѣливался народъ, не испросивъ прежде надежды на помощь бога [23]. Въ извѣстіяхъ о Свантовитѣ видны слѣды воплощенія его на зем-

18) Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XIV. p. 288-289. — 19) Chron. Slav. C. VI. p. 21. — 20) ibid. L. II. C. XII. p. 234. — 21) ibid. 225. — 22) ibid. L. VI. 22. L. II. 235. — 23) ibid.

лѣ. Ѣзда его на бѣломъ конѣ показываетъ, что подъ нимъ понимали не только вообще солнечную животворящую силу, но и воплощеніе въ человѣческомъ образѣ. Воинственность его и борьба со врагами намекаетъ на историческую часть поклоненія. Саксонъ Грамматикъ и Гельмольдъ догадываются, что поклоненіе Свантовиту произошло отъ Св. Вита, котораго память занесли туда миссіонеры, корвейскіе монахи, въ царствованіе Людовика благочестиваго, и что Славяне, передѣлавъ его имя, почитали подъ нимъ своего бога боговъ [24]. Слишкомъ надобно быть ограниченнымъ, чтобъ повѣрить такому производству. Самъ Гельмольдъ [25] говоритъ, что Славяне почитали подъ символомъ Свантовита солнце, а поклоненіе свѣту, конечно, не образовалось послѣ пришествія корвейскихъ монаховъ; притомъ, языческіе обряды и принадлежности этого божества такъ повсемѣстны у Славянскихъ племенъ, и такъ много заключаютъ общеязыческаго, что древность поклоненія Свантовиту не можетъ восходить единственно къ IX. вѣку. Вѣроятно, Славяне разсказывали монахамъ о царствѣ Свантовита на землѣ и называли его великимъ своимъ покровителемъ. Монахи заключили по созвучію, не зная по славянски, что это лицо должно быть есть Св. Витъ. Такое мнѣ-

---

24) Sax. Gram. L. XIV. p. 289. — Chr. Slav. L. I. 20. L. II. 235. —
25) ibid.

ніе сдѣлалось полезнымъ для миссіонеровъ. Язычники, по свидѣтельству Гельмольда, такъ были привержены къ Свантовиту, что долгое время послѣ крещенія не забывали его обрядовъ; — тогда, для постепеннаго успокоенія ихъ, подставили имъ Св. Вита, вмѣсто Свантовита, по сходству именъ, да и сами успокоивались тою мыслію, что ежели народъ и продолжаетъ отправлять языческіе обряды, то по крайней мѣрѣ въ честь христіанскаго Святаго. Иллирійскіе Славяне до сихъ поръ празднуютъ день Святаго Вита съ языческими обрядами [26]; въ Богеміи обожали Свантовита какъ главное божество и не могли отстать отъ него и въ христіанствѣ, до тѣхъ поръ пока Князь Венцеславъ не выписалъ отъ императора Оттона мощи Св. Вита и не поставилъ ихъ для поклоненія вмѣсто идола [27]. Это доказываетъ, что поклоненіе Свантовиту было древнее, повсемѣстное, а мысль о происхожденіи его отъ Св. Вита, котораго имя, будтобы, занесено въ IX столѣтіи на Рюгенъ, родилась уже гораздо послѣ. Имя Свантовитъ, по толкованію Шаффарика, происходитъ отъ слова Свантый (Swięty) Святый и Витъ [28]. Витъ было слово, означавшее вообще достоинство природы человѣческой: оттуда витязь, витяжество, zwycięstwo (побѣда), витія, (краснорѣчивый, мудрый);

26) Карамз. Ист. госуд. росс. т. I. стр. 47. — 27) Hist. Boiem. Dubr. L. 1. p. 7. — 28) Shaff. staroz. okr. I. czt. III. §. 18. 350.

тамъ и корень словъ: отвѣтъ, привѣтъ, вѣщать, вѣщій. И даже въ языкахъ нѣмецкаго племени сохранилось ето значеніе: такъ по англосаксонски vita совѣтникъ, оттуда vitzig, vittenagemot судья, собраніе старѣйшинъ, и скандинавское vitter чародѣй, вѣщунъ [29].

Что Свантовитъ, Сварожичь, Радегастъ и Даждьбогъ одно и тоже — кажется ясно. Конь у Свантовита и у Сварожича; воплощеніе на землѣ и у Свантовита и у Радегаста; всѣ три — божества войны, предвѣщанія; Радегастъ и Свантовитъ божества промышленности, каждый изъ трехъ называется единымъ верховнымъ божествомъ. Принадлежности етихъ кумировъ указываютъ на ихъ значеніе какъ свѣтоноснаго начала, а различія произошли отъ того, что представляли проявленіе етого начала въ разные моменты его дѣятельности небесной и земного вочеловѣченія. Конь Свантовита и Радегаста указываетъ на рыцарскую жизнь божества на землѣ и на воинственное его значеніе, какъ существа свѣта въ борьбѣ съ мракомъ, и на путешествіе солнца, — подобно конямъ Аполлона. Такъ свѣтопоклонники Парсы представляли себѣ Митру, который, хотя по смыслу системы Зендской былъ первымъ изъ Изедовъ, но считался обыкновенно за божество и назывался непобѣдимымъ богомъ, пробѣгающимъ вселенную съ лукомъ, мечемъ и була-

29) Philips Deutsch. Gesch. I. 231 Grimm Rechtsaltherth. 778-779.

бою, поражающимъ злыхъ духовъ — Девовъ [30]. Такъ и Свантовитъ, солнце, ѣздилъ на своемъ бѣломъ какъ день конѣ воевать съ злыми духами во время ночи, царства противнаго начала, разрушаемаго лучами свѣтила: мечь и знамена также аттрибуты этой безпрерывной брани. Лукъ въ рукѣ напоминаетъ Аполлона — солнце стрѣлка [31]. Будучи богомъ брани — символомъ борьбы свѣта съ тьмою — онъ былъ богъ свѣта нравственнаго, мудрости, высочайшаго всевѣдѣнія, общественнаго порядка и гражданственности: оттого у него испрашивали предсказаній; оттого къ нему обращались предъ началомъ всякаго общественнаго дѣла, и никакое вѣче, ни какой король не могъ измѣнить приговора, истекающаго отъ верховнаго свѣта. Какъ богъ солнца, онъ былъ виновникъ и податель плодородія, что показываютъ моленія къ нему объ изобиліи земныхъ плодовъ. Оттого и рогъ съ виномъ въ рукѣ у него, чему подобное можно отыскать у разныхъ народовъ. Такъ, по изысканіямъ Крейцера и Гаммера [32], у Парсовъ употреблялся кубокъ, называемый джемшидовымъ кубкомъ міра. У Египтянъ отправляемы были гаданія съ возліяніемъ изъ кубка въ символизаціи служенія богу годичныхъ перемѣнъ [33]. У Грековъ происходили возліянія въ

---

30) Zend-Avest. I. B. 284 – 324. 2. th. Jescht-Mithr. 225. — 31) Paus. III. 18. — 32) Steierm. Zeitschr. 1821. I. h. p. 78. — Creutz. Symb. IV. 67. — 33) Symb. und Myth. III. 412. Vollm. Myth. p. 437.

Самотраки изъ кубка, называвшагося солнцевымъ [34]. Кубокъ Бакха приносился также какъ символъ творенія и плодородія свѣтоносному началу [35].

И такъ, изъ всего етого мы можемъ заключить, что Свантовитъ = Радегастъ = Сварожичь = Даждь-Богъ были одно существо подъ нѣсколькими названіями и означали свѣтоносную силу въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ.

Что одно и тоже божество можетъ называтся различными именами, етого нѣтъ необходимости доказывать. Въ скандинавской мифологіи Одинъ имѣетъ до 12ти названій [36]. И такъ какъ мы знаемъ, что Славяне покланялись свѣту подъ разными наименованіями, то ето даетъ намъ поводъ искать и подъ другими мифологическими именами тогоже понятія. Такъ, я полагаю, что Перунъ, главнѣйшее божественное существо послѣ Бога Вседержителя у Руссовъ также означалъ свѣтоносное начало; Онъ переводится Юпитеромъ и именуется богомъ грома и молніи, и по етому уже есть видоизмѣненіе понятія о свѣтѣ. Но кажется, онъ означалъ нетолько громовника, а вообще свѣтъ. Перунъ божество стародавнее и корень его названія отыскивается у многихъ народовъ: такъ у Литовцевъ ето существо на-

34) Uschold. см. Wissensch. der Myth. v. Hanusch. p. 152. — 35) Symb. III. 411. — 36) Rauschn.

зывалось Перкуносъ [37]) а у Готовъ Jairguns [38]), что сходно съ Зендскимъ Peiramun, означающее свѣтлое, небесное жилище [39]). Слово Перунъ на многихъ языкахъ можетъ означать огонь, по гречески πῦρ — слово, по свидѣтельству Платона [40]), заимствованное отъ Скифовъ; по чешски pireni [41]). Огонь служилъ священною принадлежностію богослуженія Перуну. Такъ Гвагнини [42]) говоритъ, что въ Новгородѣ передъ истуканомъ Перуна горѣлъ неугасимый огонь изъ дубоваго лѣсу. У Поляковъ это самое божество называлось и Перунъ и Jessen (ясный) и почиталось дарователемъ земныхъ плодовъ [43]), въ чемъ очевидное сходство съ Свантовитомъ. Аттрибутомъ его въ Силезіи была гора Саботъ [44]), слово на дракійскомъ языкѣ означавшее восходящее солнце. И такъ, гора Саботъ значитъ гора солнца: сходно съ этимъ и Соботка — польское наименованіе всеславянскаго купальскаго праздника. Перунъ какъ и Свантовитъ, былъ богомъ войны и мира; по этому, у подножія его клали оружіе и клялись при заключеніи договоровъ [45]). Въ Богеміи же слово Яссонъ означало въ древности солнце [46]).

Все это приводитъ насъ къ тому, что Перунъ, высочайшее божество Русскихъ и Поляковъ, есть то-

---

37) Dzieje Nar. Lit. t. I. 7. — 38) Shaff. Staroż. t. I. p. 51. — 39) Zend-Av. 1. B. 240. — 40) Allg. Nord. Gesch. 274. — 41) Русс. прост. празд. и суев. обр. I. 234. — 42) Kronika Wielk. Xięstwa Moskiewsk (polski przekł.) X. VII. na c. 485. — 43) Sarnic. p. 1028. — 44) De Siles. rebus C. VII. p. 112. — 45) Пест. древ. текст. 1. т. лѣт. — 46) Piesni ludu Polsk. Pauli p. 32.

же, что и Святовитъ, божество другихъ Славянъ. Имя Перуна, переводимое классиками Юпитеромъ, извѣстно было и у древнихъ адріатическихъ Славянъ, ибо на аквилейскихъ надписяхъ находятся слова Jovi Sancti Beroni tonanti, а въ другой bono Deo Beroni [47]), что (если только достовѣрны надписи) доказываетъ какъ древность поклоненія Перуну, такъ еще и значеніе его какъ бога свѣта; ибо добрымъ богомъ преимущественно называли Аполлона, бога солнца.

Въ хроникѣ саксонской описывается истуканъ, находившійся въ Любекѣ: мущины съ вѣнцомъ на головѣ, съ продолговатыми ушами и съ краснымъ, какъ бы раскаленнымъ, желѣзомъ въ рукѣ: онъ назывался Проне [48]). Кажется, мы не ошибемся, если почтемъ это названіе однознаменательнымъ съ нашимъ Перуномъ. Желѣзо въ рукѣ значитъ ордалію — символъ суда. У Гельмольда въ трехъ мѣстахъ [49]) его славянской хроники упоминается божество Проне, называемое верховнымъ божествомъ Вагровъ. У него не было ни храма, ни изображенія; Славяне посвящали ему только дубъ, окруженный оградою съ переднимъ пространнымъ мѣстомъ для народа. Туда приходили люди съ жрецомъ и совершали жертвы; тамъ собирались вѣча, поставляли законы и судили тяжбы. Никто не смѣлъ входить за ограду, исключая при-

47) Слав. сборн 244. — 48) Chr. ant. sax. Chr. Slav. N. p. 126. — 49) Chron. Slav. 125, 160, 185.

носящихъ жертву и убѣгающихъ отъ смерти [50]. Прове былъ такимъ образомъ божество правосудія; и Проне былъ тоже, что показываетъ ордалія въ рукѣ его. Всѣ лѣтописцы согласно признавали ихъ за одно существо. Я полагаю, что Проне и Прове = Перуну = Святовиту и прочимъ наименованіямъ свѣтоносного начала. Доказательства слѣдующія: 1. Проне и Перунъ явственно одно имя, и кажется Проне есть испорченное слово Перунъ. 2. У Проне въ рукѣ красное желѣзо; у Перуна, по извѣстію Гваньини, былъ въ рукѣ огненный камень. 3. Вагры признавали за верховное божество Святовита, а между тѣмъ Прове называется ихъ верховнымъ божествомъ. По сему, не льзя признать его за одного изъ второстепенныхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Бога Вседержителя духовъ, а верховное божество, кромѣ Бога, явственно отдѣляемаго отъ Святовита Гельмольдомъ, былъ свѣтъ.

Тоже значеніе имѣлъ въ Штетинѣ и Тригласъ, котораго жизнеописатель Св. Оттона Бамбергскаго называлъ величайшимъ божествомъ Славянъ. По разсказу Эббона, другого жизнеописателя Оттонова, онъ изображался съ тремя головами, и это означало три царства: небо, землю и преисподнюю; глаза и уста у него были завѣшены золотошвейнымъ покровомъ, для того, чтобы недопустить его видѣть и порицать

50) Chr. Slav. 185.

людскихъ сладостей. Храмъ его описывается очень нарядно. Въ святилищѣ хранились серебренные и золотые сосуды, буйловые роги для питья и для трубъ, множество оружія и всякихъ запасовъ, ибо Штеттинцы отдавали туда десятую часть добычи, взятой на войнѣ, и Славянинъ обязанъ былъ принести ему подарокъ, спасшись отъ бури на морѣ, которую, по народному понятію, возбуждало это божество. Въ честь Триглава отправлялись праздники со священными играми, танцами и пирами. Близь главнаго храма находились три зданія, называемыя контины (?); тамъ идоловъ не было, а стояли амфитеатромъ лавки и столы; туда народъ сходился на вѣча и, послѣ собранія, заключалъ толки о дѣлахъ отечества веселымъ пиромъ [51]. Триглавъ почитался въ разныхъ мѣстахъ Славянщины и почтеніе къ нему было столь велико, что и послѣ крещенія Славяне удерживали его изображенія въ пещерахъ [52]. Повсемѣстность его доказывается мѣстными названіями горъ на пр. Терглу въ Краинѣ [53]: легко быть можетъ, что и тамъ стояли храмы Триглава, ибо и Штетинъ построенъ былъ на трехъ холмахъ [54]. Добровскій [55], Бандке [56] и Ганушъ [57] видятъ въ немъ Тримурти Индѣйцевъ, такъ что царь неба —

---

51) Vita Sancti Ottonis. Act. Sanctor. Jul. p. 403, 437—439. — 52) ibid. — 53) Die Wissensch. des Myth. 100. — 54) V. S. O. 436. — 55) Slav. 414. — 56) Dzieje Narodu Polsk. I. p. 116. — 57) Die Wissensch. des Myth. 102—104.

онъ равенъ Брамѣ; царь земли — Вишнү, царь преисподней — Шивѣ, сүществү разрүшительномү; — тѣмъ болѣе, что Триглавъ сидѣлъ, и Тримүрти изображался въ сидячемъ положеніи; и ү Тримүрти была также завѣса въ видѣ треүгольника на трехъ головахъ [58]. Но такъ какъ жизнеописатель Оттоновъ имenүетъ его высочайшимъ богомъ Славянъ, то зная, что такъ называли то сүщество, которое означало свѣтъ, — и въ Триглавѣ можемъ мы искать значенія свѣта. Намъ говорятъ, что онъ былъ Тримүрти Индѣйцевъ, но Тримүрти изображалъ солнечнүю силү въ годичныхъ перемѣнахъ. Многіе народы Востока дѣлили годъ на три части [59]. Такое дѣленіе было и ү Германцевъ. Оно было и ү Славянъ [60], что показываютъ три народные праздника, соотвѣтствүющіе временамъ года. Земледѣліе, старинное занятіе Славянъ, проявляется въ трехъ фүнкціяхъ: сѣяніи, собираніи и приготовленіи; сообразно етомү, располагаются три времени года: весна, лѣто, зима; осень исчезаетъ отъ простого взора, половина ея является съ лѣтомъ, половина съ зимою; въ жизни природы человѣкъ үсматриваетъ только начало, срединү и конецъ. Оттого й дѣленіе года на три части. Въ Триглавѣ можно признать свѣтоносную троичнүю силү, равнозначительнүю тремъ временамъ года: веснѣ, лѣтү и зимѣ и вмѣстѣ тремъ царствамъ, какъ объясняетъ Еввонъ:

---

58) ibid — 59) Allgem. Univers. Gesch. v. Leo. t. I. — 60) Hanusch.

небу, какъ источнику всего, а потому вмѣстѣ весне; землѣ какъ пространству, на которомъ совершается развитіе дѣятельности свѣта, а слѣдовательно, необходимо, времени, въ которое совершается ета дѣятельность, — лѣту, а подземному міру — зимѣ жизненной. Еще увѣряетъ меня въ однозначительности Триглава съ другими наименованіями свѣта то, что аттрибуты етого божества сходны съ аттрибутами Свантовита. При храмѣ Штеттинскомъ язычники имѣли священнаго коня (только вороного); за нимъ поочереди ходили четыре жреца; никто на него не садился. Передъ начатіемъ войны, они проводили его черезъ девять копьевъ, и ежели онъ проскакивалъ не зацѣпившись, то заключали о счастливомъ окончаніи предпріятія. Кромѣ того, отправляли другія гаданія посредствомъ деревяшекъ [61]. По сказанію жизнеописателя, Триглавъ былъ богомъ войны, какъ Свантовитъ [62]. Итакъ, кажется несомнѣнно изъ всего етого, что и Триглавъ означалъ свѣтоносное начало, почитаемое подъ разными именами.

Къ той же категоріи относится Бѣлбогъ. Въ исторіи каминскаго епископства [63], говорится, что Славяне признавали доброе начало, подъ именемъ Бѣлаго-Бога, противоположное злому, называемому Чернобогомъ. У Гельмольда мы находимъ извѣстіе, что Славяне при пиршествахъ обносили чашу съ бла-

---

61) V. S Ott. 403. — 62) ibid. 437. — 63) Script. Rer. Germanic. p. 513.

гословеніями и заклятіями, вѣря, что счастіе проистекаетъ отъ добраго бога, а все дурное отъ злого, называемаго на ихъ языкѣ діаволъ или Чернобогъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Гельмольдъ говоритъ, что добрый Богъ есть Свантовитъ [64]. Въ другомъ мѣстѣ приведенной выше исторіи Калинской [65] говорится, что Славяне отправляли пиршества и обносили чашу на праздникѣ свѣта (si quando lux festa venisset). Ясно кажется, что Бѣлбогъ и Свантовитъ одно и тоже. Поклоненіе Бѣлбогу было повсемѣстное. Въ отдаленной древности оно было извѣстно у Славянъ Адріатическихъ. Такъ на камняхъ, найденныхъ близъ Аквилеи, читаютъ: Belino divi, Belino Apollino; можно узнать здѣсь Бѣлбога; его имя переведено буквально по латинѣ: Belino divi [66]. У Кельтовъ существо свѣта, переводимое римскими писателями Аполлономъ, называлось также Белиномъ [67], что показываетъ древность этого названія у сѣверныхъ народовъ. Да и самое имя Аполлона, неимѣющее въ греческомъ языкѣ корня, кажется однозначительно по корню съ Белиномъ кельтскимъ и Бѣлбогомъ славянскимъ; ибо Аполлонъ занесенъ въ Грецію съ Сѣвера, почему и назывался гиперборейскимъ. Названіе Бѣлбога совпадаетъ съ русскимъ выраженіемъ бѣлый свѣтъ, и бѣлый день; оттуда бѣлый царь, ибо цвѣтомъ бѣ-

64) Chron. Slav. L. I. C. 53, p. 123. — 65) Script. Rer. Germ. p. 510. — 66) Слав. сборн 243. — 67) Allgem. Welt-Gesch. Gesch. der Celt.

лымъ, цвѣтомъ видимыхъ солнечныхъ лучей, свѣтопоклонники означали все, достойное уваженія.

Зная, что столько именъ означали одно свѣтоносное существо, можно сдѣлать нѣкоторыя догадки относительно другихъ миѳологическихъ именъ. Писатели, передавшіе намъ извѣстія о Полабскихъ и Прибалтійскихъ Славянахъ, упоминаютъ о Яровитѣ, Ругіевитѣ, Поревитѣ и Перенутѣ. Яровитъ или Гіеровитъ у жизнеописателя Оттонова представляется богомъ войны и называется Марсомъ. Подлѣ его кумира висѣлъ золотой щитъ; етотъ щитъ не выносили изъ капища, кромѣ важныхъ военныхъ случаекъ. Язычники имѣли такое благоговѣніе къ етой вещи, что когда христіане хотѣли разорить идола и убить упорнаго жреца, то жрецъ, ударивъ въ щитъ, съ страшнымъ крикомъ, бросился въ толпу народа и возбудилъ такой ужасъ въ новообращенныхъ христіанахъ, что они, по старой привычкѣ, увидѣвши щитъ, попадали на землю [68]. Мы знаемъ уже, что божество свѣта, подъ всѣми своими наименованіями, было вмѣстѣ божествомъ войны. Яровитъ, будучи богомъ войны, принадлежалъ къ номинаціямъ свѣтоноснаго начала: слово яръ означаетъ и ярость, мужество и вмѣстѣ весну, молодость, свѣжесть. Не безъ основанія можно видѣть въ Яровитѣ солнечную силу, проявляемую весною. Онъ то, что Сомъ или

68) Vit. Sancti Ott. 410.

Геркулесъ у Египтянъ и Грековъ [69]. И оттого то, кажется, одинъ жизнеописатель Оттона назвалъ его Гіеровитомъ, а другой Веровитомъ, переводя слово Яръ на латинское Ver [70], что легко должно было статься, ибо эти жизнеописатели разъ замѣтили, что славянскій языкъ имѣетъ сходство съ латинскимъ и позволили себѣ производить контины отъ continere.

У Саксона Грамматика описывается въ Кареницѣ идолъ, называемый Ругіевитъ. Онъ имѣлъ семь головъ и семь мечей, а восьмой, обнаженный, держалъ въ рукѣ. Вышиною онъ превосходилъ всякій человѣческій ростъ [71]. Онъ называется богомъ войны и потому однозначителенъ съ прежними. Имя Ругіевитъ, кажется, правильнѣе будетъ прочтено Руйевитъ (ибо ь прибавляли тамъ, гдѣ мягкія буквы у Славянъ, какъ и Гіеровитъ вмѣсто Яровитъ); оно происходитъ отъ руйный = красный, горячій, огненный, такъ-что богъ означаетъ свѣтъ, въ кульминаціи своей дѣятельности, то, что Horos, мужественный, воинственный сынъ Озириса солнца [72]; и различіе между Яровитомъ и Руйевитомъ будетъ такое, что первый значитъ весну, а послѣдній лѣто. Семь головъ и семь мечей означаютъ полную силу божества

69) Creutz. Symb. 11. 336. — 70) V. S. O. 440. — 71) Sax. Gramm. p. 294. — 72) Symb. 1. 297. ibid. 11. 336.

и указываютъ на свое восточное происхожденіе: семь созвѣздій и семь главныхъ боговъ въ Египтѣ, семь Амшиспандовъ въ Зендавестѣ... наконецъ, семь тысячь дней царствовалъ Даждь-богъ на землѣ.

Близь храма Руевитова стояло капище Поревита: идолъ его былъ безоруженъ [73]; и поэтому можно признать въ немъ значеніе, противоположное Руевиту. Поревитъ былъ солнце зимнее, потерявшее разящую свою силу, божество мира, (Гарпократъ, сынъ Озириса у Египтянъ и Грековъ) [74], тѣмъ болѣе, что зимою отправлялся праздникъ, который справедливо, съ нѣкоторой стороны, миѳографы называли праздникомъ мира.

Подлѣ храма Поревитова стоялъ храмъ Поренута. Нарушевичь толкуетъ, что это слово происходитъ отъ porenie [75] родить, и полагаетъ, что онъ былъ символъ раждающей силы. Это, по моему мнѣнію, основательно. Идолъ изображался съ четырьмя головами, а пятую держалъ на груди, одною рукою за бороду, а другою за лобъ [76]. У Славянъ, какъ и у другихъ народовъ, было понятіе о ежегодномъ рожденіи солнца, — какъ выражался поворотъ на лѣто — и потому Поренутъ четвероголовый, (поэтому уже сходный съ Святовитомъ) кажется, изображалъ солнце въ моментъ его возвращенія къ дѣятельности послѣ

73) Sax. Gramm. 299. — 74) Symb. 1. 296. — 75) Hist. Nar. polsk. t. 1. Mythol. Slaw. — 76) Sax. ibid.

знаменаго усыпленія. Четыре головы были постоянными аттрибутомъ солнца вообще, а пятая на груди означала рожденіе новаго солнца. — Къ тѣмъ же номинаціямъ свѣтоноснаго начала принадлежатъ имена Лада и Живаго. По сказанію Стрыйковскаго [77]), божеству Ладу праздновали весною отъ 23. Мая по 24. Іюня. Изъ всѣхъ языческихъ божественныхъ наименованій одно только названіе Лада сохранилось теперь такъ живо въ народѣ, что рѣдкая весенняя обрядная пѣсня обойдется безъ припѣва: Ладо! Ладо! По Кромеру, Гвагнини, Бѣльскому и Густинской лѣтописи [78]), Ладо или Ладонъ означаетъ бога всякаго наслажденія и благополучія: оттого ему приносили жертвы женившіеся; отъ его благословенія зависѣло счастіе семейственное; къ нему обращались при рожденіи дитяти. Изъ пѣсень мы видимъ несомнѣнно, что Ладъ былъ божество весны и любви. Слово Ладъ очевидно славянское и означаетъ согласіе, гармонію, красоту и любовь. Слово ладность значитъ красоту; по чешски лада: = красавица; по польски и по южнорусски ladny: прекрасный; у Русскихъ ладъ и лада значатъ мужа и жену. Но такъ-какъ Ладъ было божество любви и гармоніи, и вмѣстѣ божество весны, то, слѣдовательно, оно было божество гармоніи вселенной, любви всемірной, символъ вседѣйствующаго, все-

---

77) Stryik. kronika. t. 1. — 78) Густ. лѣт. полн. собр. рус. лѣт. т. 2. 257. — Crom. 53.

оживляющаго весенняго солнца; и праздникъ ему отправляли въ эпоху красоты природы, во время, когда особенно дѣйствуетъ въ животныхъ половое возбужденіе. Длугошъ называетъ его божествомъ войны [79]; такъ воинственное значеніе Свѣта было не различно со всѣми модификаціями его поклоненія.

Однозначительно съ божествомъ Лады было божество Живъ или Живый, называемое Длугошемъ божествомъ жизни [80]. Въ лѣтописи Прокоша [81] разсказывается, что на горѣ Живцѣ, названной отъ имени божества, былъ построенъ храмъ, и собиралася въ множествѣ народъ весною въ первыхъ дняхъ мая; тамъ молились о счастіи и благоденствіи во весь годъ. По мнѣніямъ язычниковъ, Живый былъ божество благополучія, верховный правитель вселенной (supremum universi moderatorem) и божество красоты и весны. Славяне, говоритъ таже лѣтопись, думали, что божество Живый превращается весною въ кукушку, дабы посредствомъ этой птицы возвѣщать время года и долготу жизни людямъ, и потому ему особенно приносили жертвы, когда слышали въ первый разъ весною кукованіе кукушки, спрашивали: сколько лѣтъ кому жить и заключали о числѣ будущихъ годовъ по тому, сколько разъ кукукнетъ птица послѣ вопроса [82].

---

79) Hist. Polon. — 80) ibid. p 37. — 81) Chron. Slav. h. 1 p. 36. Sarm. Warsz. 1827. — 82) ibid.

Ѐто весеннее поклоненіе Ладу и Живому доказываетъ, что они—одно божество, и оба названія относятся къ свѣтоносному началу въ смыслѣ всеобщей любви и жизни природы. Вмѣстѣ съ етими названіями, чествовали Славяне женское существо, называемое Ладою и Живою: подобно какъ у древнихъ Пеласговъ было мужеское существо (ἀξιόκερσος) живитель, плодотворитель и женское (ἀξιόκερσα) 83).

Въ одной старинной южнорусской сказкѣ, которая видимо относится къ глубокимъ временамъ язычества, я нашелъ слѣдующее: Ивась (такъ звали героя) получилъ приказаніе отъ пана, которому служилъ, узнать: зачѣмъ солнце перемѣняется три раза въ день. Онъ поѣхалъ черезъ той свѣтъ въ теремъ солнца надъ моремъ; солнца долго не было: оно ѣздило по свѣту; Ивась засталъ солнцеву мать, которая, освѣдомившись за чѣмъ онъ пріѣхалъ, приказала ему сѣсть за желѣзное корыто. Когда солнце воротилось вечеромъ, мать спросила его: зачѣмъ оно перемѣняется въ день три раза? Ѐсть,—отвѣчало солнце,—въ морѣ прекрасная Анастасія: когда я взойду, она на меня брызнетъ водою,—я застыжусь и покраснѣю; когда же я взойду на высоту и посмотрю на весь свѣтъ, мнѣ станетъ весело; а когда захожу,—Анастасія опять брызнетъ на меня морскою водою, и я опять покраснѣю. Изъ етого видно,

83) Symb. und Myth. der alt. Völk. II. 294.

что у Солнца была мать, да еще женщина, которая его занимала какъ любовница.

Мы находимъ у Гельмольда, что у Славянъ была богиня Сива или Жива [84]. Въ Mater verborum Вацерада мы встрѣчаемъ туже богиню, переведенною Церерою; она изображена съ колосомъ и цвѣтомъ въ рукахъ [85]. По другому изображенію она представляется съ младенцемъ на головѣ и виноградною ягодою или яблокомъ [86]. Мы знаемъ, что у финскихъ народовъ было божество Золотая Баба съ младенцемъ на рукахъ [87]. Названіе это безсомнѣнія не финское и божество заимствовано отъ Славянъ. Какъ распространено было у насъ въ языческія времена почитаніе подобнаго женскаго существа, видно изъ того, что во многихъ мѣстахъ попадаются и теперь грубыя статуи и изображенія женщины съ младенцемъ. Что между Золотою Бабою и Живою есть соотношеніе и близкое, видно не только изъ того, что онѣ обѣ изображаются съ младенцами: Длугошъ ясно указываетъ на единство ихъ, говоря, что была гора, называемая Баба, а на ней градъ Живецъ [88]; а мы знаемъ, что Живцемъ называли мѣсто, гдѣ поклонялись Живѣ. Но съ Живою однозначительна и Лада, ибо весенній праздникъ Лады былъ также праздникъ Живы, самыя названія Жива

---

84) Chron. Slavor. 125. — 85) Czas. czesk. Muz. 1827. 4. h. p. 70., 76. 86) Карамз. ист. госуд. росс. т. 1. 85. — 87) Gwagn. kron. polska. częśc 1. X. 7. — 88) Hist. Polon. 1. p. 33.

и Лада выражаютъ одно и тоже, и наконецъ въ пѣсняхъ епитетъ Ладѣ—мать, а у Литовцевъ лада называлась Золотою Панею [89]; что тождественно съ Золотою Бабою. Праздникъ ей какъ у Литовцевъ, такъ и у Русскихъ, соединялся вмѣстѣ съ торжествомъ солнца [90]. Вацерадъ называетъ ее Венерою. Еще Чехи звали ее Красопани,—[91] и Красына: такъ называется истуканъ богини, поставленный Св. Людмиллою въ язычествѣ [92]. По моему мнѣнію, она символизовала природу, жизненное начало, была мать солнца въ его воплощеніи, богиня любви, гармоніи, брака, веселія, красоты и всякаго благополучія, мать—питательница міра, подательница благъ. Ее то въ Чехіи называетъ волшебница Церерою, матерью Марса [93], между тѣмъ какъ Церера классическая не была матерью Марса. Младенецъ на головѣ означалъ воплощенный свѣтъ, а яблоко въ рукѣ едвали не то яйцо, которое снесла Латона и изъ которою образовались Аполлонъ и Діана, и вмѣстѣ то яйцо, начало всѣхъ вещей, которое почитали Индійцы.—Это женское символическое существо находится во всѣхъ почти мифологіяхъ, и подъ разными наименованіями въ каждой: - Лада была тоже, что у Индійцевъ Бгавани, первоначальная воспринимающая зародышъ творенія женственная сила [94], и Лакшими,

---

89) Dz. Nar. Lit. t. 1. nac. 40. — 90) ibid. p. 303. — 91) Gesch. der Böhm. v. Palacky. 179. — 92) Kron. czeska 1541. p. 61. — 93) Kron. czesk. 53. — 94) Sýmb. 11. 124.

которую почитали подъ изображеніемъ женщины съ младенцемъ на Коромандельскомъ берегу [95]: а етотъ младенецъ былъ воплощенный свѣтъ. У Египтянъ она была Изида; — у Фригійцевъ а послѣ у Римлянъ матеръ Цибела [96]: ей тамъ отправляли весною празденство Megalesia [97]; она почиталась долго въ Римѣ подъ видомъ женщины съ ребенкомъ, означавшимъ воплощенное божество: впослѣдствіи хотѣли видѣть въ етомъ изображеніи прообразованіе Спасителя; — у Ассиріянъ она была Милитта, возбуждающая и плодотворящая твореніе матерь [99]; — у Грековъ, у которыхъ разсыпалось болѣе прочихъ народовъ на индивидуалы свѣтопоклоненіе, ее можно видѣть и въ Герѣ, матери боговъ, и въ Афродитѣ, любовной силѣ, и въ Минервѣ Саиской, родительницѣ солнца [100] и особенно въ матери свѣта Аполлона, Латонѣ, которой даже названіе звучитъ сходно съ нашею богинею; Греки получили ее изъ темнаго гиперборейскаго сѣвера и первоначально чествовали подъ именемъ Илитіи въ Ефесѣ, въ изображеніи матери вселенной, первой родильницы [101]; — у Пруссовъ она называлась Жиза, т. е. перенятая отъ Славянъ, съ которыми Пруссы были въ тѣсномъ религіозномъ сношеніи, Жива; — у Скандинавовъ она была Фригія, заимствованная также отъ Славянъ, ибо называлась вандальскою: иллирій-

95) Zend-Av. 1. B. 1. th. 176. — 96) Symb IV. 44. — 97) Liv. XXIX. — 98) Tertul. apolog. — 99) Paus. p. 27. — 100) Symb. IV. 2. 43. — 101) ibid. 21. 117.

скіе Славяне чествовали Ладу подъ именемъ Доброй Фригіи [102]. Какъ распространено было у Славянъ поклоненіе Ладѣ, видно изъ того, что во первыхъ, у всѣхъ совершенно славянскихъ народовъ, имя ее осталось въ пѣсняхъ, и во вторыхъ, множество урочищъ напоминаютъ ее. У Длугоша она же Венера—Дзидзилія [103] и толкуется богинею дѣторожденія, ибо къ ней обращались родильницы; у Стрыковскаго Зизилія, къ которой молились о любви и плодородіи, также переводится Венерою. Я полагаю, что она была и то, что у насъ называется мать-земля; и ей-то поклонялись сѣверные германскіе народы (подъ которыми, вѣроятно, надобно разумѣть и часть Славянъ) подъ именемъ Герты, (die Erde) однозначительной съ mater tellus у Римлянъ. [104] Какъ Латона была матерью мужескаго и женскаго существъ: Аполлона и Діаны, такъ и Лада славянская матерь Леля и Лели (Линтъ, Палилія классической миѳологіи). Хотя эти имена встрѣчаются особенно въ литовской миѳологіи, но нѣтъ сомнѣнія, что они были у Славянъ; ибо о нихъ упоминаютъ историки [105], и въ нашихъ пѣсняхъ существуетъ припѣвъ: Лелю — Ладо. Лелисъ по литовски значитъ — свѣтлый; но тоже оно означаетъ и по славянски: тому доказательство глаголъ лелѣть въ малоросс. и простонародномъ русскомъ языкѣ,

---

102) Карамз. т. 1. 88. — 103) Hist. Polon. p. 36. — 104) Tac. Germ. — 105) Krom. 56. Stryik. kron. polska p. 46.

означающій: блистать, сверкать. Єти два близнеца слꙋжили особеннымъ предметомъ поклоненія народовъ въ Лигіи, гдѣ, по сказанію Тацита, жрецъ, приносившій имъ жертвꙋ, одѣвался въ мꙋжеское и женское платье разомъ [106]: подобное осталось въ великорꙋсскихъ простонародныхъ играхъ, и доказываетъ, что эти два сꙋщества: одно мꙋжеское, дрꙋгое женское, — по высшемꙋ внꙋтреннемꙋ разꙋмѣнію, — были одно. Такъ ꙋ Индійцевъ воплощенный міръ представлялся въ образѣ двꙋполаго божества [107]. Такъ и ꙋ Грековъ Діонисій, воплощенное солнце, изображалось въ видѣ двꙋполомъ (ἀρσενόθηλος) [108]. Такое же почитаніе свѣтоноснаго сꙋщества было и ꙋ Египтянъ, какъ это доказывается ихъ религіозными церемоніями [109]. — Это двꙋполое сꙋщество выражало: природꙋ первоначальнꙋю, — когда она еще не высказалась въ противоположностяхъ, — и природꙋ окончательнꙋю, абсолютнꙋю, резꙋльтатъ процесса міровой жизни.

Сꙋщество двꙋполое — двꙋтѣлецъ по славянски — [110] скоро явилось въ образѣ отдѣльныхъ сꙋществъ мꙋжескаго и женскаго. Мꙋжеское есть воплощенный свѣтъ: Свантовитъ = Кришна — Вишна — Созіашъ = Озирисъ = Аполлонъ = Діонисій = Атисъ; женское — вода. — Во всѣхъ религіяхъ вода изображаетъ страдательнꙋю первоначальнꙋю матерію женственнаго сꙋщества, изъ кото-

106) Germ. — 107) Symb. III. 444. — 108) ibid. 200. — 109) ibid. 445. — 110) Mat. verb. 4.

рой посредствомъ плодотворнаго прикосновенія существа мужескаго произошли всѣ вещи. Въ Индіи ето существо есть Сакти; само по себѣ бездушное и холодное, оно изображается въ видѣ влаги; оттого и священная рѣка Гангесъ носитъ названіе Сакти. Оно воспринимаетъ отъ мужескаго существа — огня, Шивы, и производитъ жизнь. По зендскому понятію Церване-Акерене создалъ словомъ своимъ (Гоноверъ) — первообразъ матеріи, праормузда, въ которомъ соединялись начала свѣта и воды и образовалось твореніе сперва черезъ раздѣленіе, а потомъ чрезъ взаимность противоположностей. [111] У Семитическихъ Народовъ вода представлялась женскимъ страдательнымъ основнымъ елементомъ творенія. [112] Въ Египтѣ вода считалась страдательно — женскимъ существомъ и символизовалась въ видѣ Изиды, пробужденной къ плодородію огне — свѣтомъ. [113] Въ Греціи океанъ былъ въ началѣ всѣхъ вещей, и по ученію орфееву изъ воды образовалось твореніе, когда она возбуждена была бракомъ съ божествомъ въ видѣ змѣи, называемымъ Гераклесъ т. е. Геркулесъ: оно означало свѣтоносную силу. [114] Такое жъ понятіе находится и въ библейскомъ ученіи; прежде всего создана вода и пребываетъ невидима и неустроена, пока Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и тогда началось оживленіе и плодородіе без-

111) Kleuk. Kurze Darstell. des Lehrbegr. d. alt. Pers. 8. — 112) Creutz. Symb. t. I. 377. — 113) ibid. t. II. 157., III., 324. — 114) ibid. III., 314., 321.

движной, холодной, женской матеріи. По скандинавскому понятію, твореніе возникло изъ противоположностей свѣта или огня, и воды, или холода.[115]) Славянская космогонія не оставила намъ послѣдовательнаго ученія, однако есть слѣды того же понятія, напр. въ слѣдующей червонорусской пѣснѣ:

Колись-то було съ початку свѣта,
Тодй не було неба нй землй,
Неба нй землй — нимъ сине море,

И потомъ описывается, какъ слетаютъ два голуба — символы двуполой творческой силы, любви — и производятъ твореніе, добывая изъ бездны елементы онаго. — Страдательное положеніе воды въ природѣ послужило человѣку поводомъ видѣть въ ней женское существо. Безъ животворной силы свѣта, бездвижная вода наполняетъ пространство въ видѣ снѣга, льда, мертвой массы; но когда свѣтъ и теплота пробуждаютъ ее, она расходится и, подъ вліяніемъ свѣта, раждаетъ и питаетъ годовой міръ. И на етомъ-то внутреннемъ основаніи Славяне — свѣтопоклонники почитали воду. Еще Страбонъ говоритъ о жителяхъ Югозападной Россіи, что они покланяются рѣкамъ и источникамъ, и одна рѣка называется у нихъ именемъ божества Βογαιον [116]). Прокопій Кесарійскій говоритъ, что Славяне признавали Единаго Бога, но покланялись рѣкамъ и источникамъ [117]).

---

115) Rauschn. 375. — 116) Strabo. VII. 5. — 117) De bel. Goth.

У Славянъ Прибалтійскихъ были освященные источники, куда ходили для поклоненія; такой источникъ находился на островѣ Рюгенѣ въ дремучемъ лѣсу. Въ Штетинѣ былъ источникъ, куда стекались на поклоненіе. Въ другихъ мѣстахъ Западной Славянщины были подобные источники, куда не позволялось подходить иновѣрцу [118]. Дитмаръ говоритъ объ озерѣ Гломази, которое со страхомъ было почитаемо сосѣдними Славянами [119]. Тотъ же писатель говоритъ, что Поморяне чтили море, и миссіонеръ христіанства Рейнбернъ, для освященія стихіи, оскверненной демонскимъ служеніемъ, повергнулъ туда четыре камня, намазанные священнымъ елеемъ [120]. Козма Пражскій говоритъ о Чехахъ, что они въ язычествѣ оп - кланялись источникамъ и рѣкамъ и приносили имъ жертвы [121]. Поляки въ язычествѣ, какъ видно изъ многаго, имѣли священныя воды и ето доказываютъ многіе суевѣрные обряды въ народѣ. У Русскихъ Славянъ выказывается явное водопоклоненіе. Въ житіи князя Константина Муромскаго [122], говорится, что язычники русскіе приносили требы озерамъ и рѣкамъ, прибѣгали къ водѣ въ немощахъ и повергали въ колодези деньги. При переводѣ Григорія Богослова въ XI. вѣкѣ, переводчикъ счелъ нужнымъ прибавить отъ себя: случается, что иной при-

118) Helm. L. I. c. 1. — 119) Chron. L. I. p. 1. — 120) ibid. 228. L. VII. — 121) Cosmas. III. 197. — 122) Карамз. т. I. пр. 214. стр. 350.

носитъ требу на студеницѣ, ища дождя и забывая, что дождь идетъ съ неба, а другой нарицаетъ рѣку богомъ [123]. Въ церковномъ уставѣ князя Владимира запрещается молиться у воды [124]. Купанье у насъ считается существенною частію многихъ сѣверныхъ обрядовъ и народныхъ празднествъ. Въ рускихъ пѣсняхъ вода всегда играетъ важную роль какъ любимый предметъ поэзіи. И такъ, кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Славяне въ язычествѣ покланялись водѣ.—Это непремѣнно и должно было быть, ибо во всѣхъ религіяхъ, гдѣ есть идея свѣтопоклоненія, уважалась также вода, какъ второе существо священное. Послѣдователи Зороастра покланялись водѣ, признавали ее священнѣйшею матеріею послѣ свѣта, живымъ сокомъ природы [125], совершали священныя омовенія, употребляли при жертвоприношеніяхъ [126] и возсылали къ ней каноническія моленія [127]. Индійцы кланялись водѣ и особенно священному Гангесу до изувѣрства. Египтяне чествовали воду подъ символомъ Изиды, и считали ее за жизненное начало; оттого сосудъ холодной воды символизовали воскресающую силу Озириса, животворную для мертвыхъ [128]. Греки имѣли нѣсколько священныхъ источниковъ, признавали въ морѣ чудодѣйственную силу избавлять

---

123) Русс. прост. праздн. 1. 23. — 124) Карамз. т. I. пр. 506. стр. 483. — 125) Kleuk. 56. — 126) Der Parser Bürgerl. und Gottendienstl. Gebräuche 209. — 127) Zend-Av. Jescht-Avan. 195—199. — 128) Creutz. Symb. I. 347.

человѣка отъ всякаго зла [129]), употребляли священное очищеніе [130]), считали освященіе воды важнѣйшимъ актомъ при таинствахъ [131] и отгадывали по водѣ будущее [132]. Изъ воды родилась Афродита, всеобщая любовь, гармонія. Водное начало символизовала Діана [133]). Я полагаю, не будетъ натянуто, ежели мы въ Анастасіи, плещущей на солнце, въ сказкѣ, будемъ видѣть олицетвореніе воды, супруги свѣта—солнца. Брачное соединеніе свѣта съ водою было первообразомъ творенія, любви во вселенной, жизни въ природы и полового соединенія тварей. Конечно, имя Анастасіи не относится къ древности, но собственное имя етого мифологическаго существа было не одно; какъ и имя солнца-бога. Оно, однако, осталось намъ въ нѣкоторыхъ названіяхъ, какъ напр. въ Моранѣ т. е. Морянѣ или морской. На праздникъ Купала дѣлаютъ чучело, называемое Морена, перескакиваютъ съ нимъ черезъ огонь и топятъ въ водѣ: ето, по моему мнѣнію, означаетъ бракосочетаніе свѣта съ водою. Сходное съ етимъ названіемъ есть Маржана, у Длугоша; чучело, называемое такъ, топили въ Польшѣ весною: обрядъ общеславянскій; до сихъ поръ онъ существуетъ по русскимъ селамъ. Въ краледворской рукописи Морена изображается богинею смерти, низводитъ въ чорную ночь души убитыхъ,

129) ibid.—III. 334. — 130) ibid. — 131) ibid. 436. — 132) ibid. I. 195. 133) ibid. II. 170.

а у Длугоша Маржана названа Церерою. Она была и то и другое; ибо вода по существу своему заключаетъ начало жизни и начало смерти и разрушенія, есть существо оживляющее и убивающее; само по себѣ холодное и темное, оно призывается къ жизни и плодородію только огнемъ свѣтомъ. Такъ Діана или Артемида — божество доброе, свѣтлое, прекрасное, — а вмѣстѣ она же Геката — существо мрачное, убивающее, черное, смертоносное. Слово мара: привидѣніе имѣетъ единство съ названіемъ Маржаны, воды въ вредномъ моментѣ ея бытія, и означаетъ несуществующее, кажущееся, образъ безъ существа, противоположное міру, оживленному свѣтомъ, въ движеніи и дѣятельности. Въ Краинѣ существо водное называется и теперь мидическими именами Воданъ и Моранъ [134]. Мокошь у Нестора, по моему мнѣнію, также означаетъ водное женское существо; окончаніе ошь есть женскаго рода, какъ кокошь, а корень слова Мокъ (мокнуть; смокнуть). Такъ думаетъ Колларъ. По Вацераду, море почиталось у Славянъ божествомъ, называемымъ Хайпа. Но важнѣйшею изъ номинацій женско-воднаго существа у Славянъ была Дѣвонія, Дзѣванна и Дана. Она происходитъ отъ корня, сохранившагося въ языкахъ кельтскихъ, гдѣ Дивона значитъ рѣка, и вода; но этотъ корень не чуждъ и славянскимъ народамъ, какъ это показываютъ названія рѣкъ: Двина, Дунай,

134) Die Wissensch. des Myth. 292.

Донъ, Днѣпръ (Данаприсъ Дана - стрисъ), и обыкновенный припѣвъ въ пѣсняхъ обрядныхъ: дана, дана. Какъ вода, начало вещей, вѣчно-прекрасная, вѣчно свѣжая, она была дѣва и вмѣстѣ жена, т. е. супруга солнца. Такъ Длугошъ описываетъ ее [135]. Въ Богеміи и Польшѣ ее называли Дѣвоніею или Дзѣванною, въ Прибалтійской Славянщинѣ Дѣвою и храмъ ея былъ въ городѣ, названномъ Дѣвинъ — градъ, переименованный Нѣмцами въ Магдебургъ [136]), въ Венгріи былъ такойже Дѣвинъ градъ, наименованный отъ богини [137], у насъ она, вѣроятно, кромѣ Мокошь, имѣла еще названіе Дана, и просто Дѣва, какъ ето показываютъ нѣкоторыя урочища и названія водъ напр. дѣвьи горы, дѣвичье поле, рѣка дѣвица. Она была совершенно тождественна съ греческою Діаною или Артемидою. Ефесская Діана представляла первоначально существо воды и была поетому равнозначительна Изидѣ, принимаемой въ смыслѣ стихіи [138]). Значеніе Діаны въ смыслѣ луны произошло больше отъ вліянія, какое, полагали, имѣетъ луна на воду: у Славянъ етого значенія она можетъ быть и не имѣла, ибо луна = мѣсяцъ изображается у насъ мужчиною. Но наша Дѣвонія, какъ Маржанна, тождественна съ Гекатою — суровою, темною богинею тьмы, холода и небытія. Какъ богиня земная, звѣроловица, греческая богиня имѣетъ съ на-

135) Hist. Polon. p. 36. — 136) Cranz. Hist. eccles, p. 4. — 137) Bel. not. Hung. II. p. 252. — 138) Symb. II. 170.

шею также единство: ибо Длугошъ и Вацерадъ прямо переводятъ ее Діаною. По свидѣтельству Гримма [139], въ Лужицахъ до сихъ поръ существуетъ повѣрье о прекрасной дѣвицѣ, которая съ собаками блуждаетъ по лѣсамъ, и пугаетъ звѣрей, особенно въ лунныя ночи. Сусѣверы боятся зайти въ чащу и въ полдень, что бы не увидѣть дѣвицу. Такое точно повѣрье мнѣ удалось слышать и въ Россіи; объ етой дѣвицѣ разсказываютъ разные анекдоты, напр. одинъ разъ косари ужинали, вдругъ набѣжала на нихъ дѣвица съ собаками, перескочила черезъ огонь, гдѣ варилось кушанье, и перепугала людей и животныхъ.

Такимъ образомъ, миѳъ о Діанѣ выразился полно у Славянъ; дѣва и жена у Славянъ, Діана тоже и у Грековъ, ибо подъ Діаною разумѣли не только дѣву Артемиду, но и Артемидсу — матерь, произведшую на свѣтъ любовь [140]. Или лучше сказать, Греки и Римляне почитали Діану въ столь различныхъ миѳическихъ исторіяхъ, что образовалось понятіе о нѣсколькихъ Діанахъ [141]. Первоначальная Ефесская Діана или Артемида изображала воду, какъ производительное начало творенія, — почиталась какъ дѣва и вмѣстѣ всеобщая матерь [142]: ета богиня заимствована Греками изъ Скиѳіи, вмѣстѣ съ Аполлономъ и Латоною или Илиѳіею изъ страны Гипербореевъ, и уже въ по

139) Deutsch. Mytholog. p. 706. — 140) De Nat. Deor. III. 23. — 141) Funke Lexic. II. 117. — 142) Symb. II. 117.

слѣдствіи греческая поезія запутала и оразнообразила простой миѳъ сѣвера. И такъ вотъ отъ чего такая близость къ нашимъ славянскимъ понятіямъ! Я не стану на етомъ основывать, чтобъ Греки заимствовали его отъ Славянъ, но считаю нужнымъ замѣтить, что слова: Илитія, Латона, Аполлонъ, и Діана, также созвучны съ нашими: Лада, Бѣлый богъ, Лель, Дѣвана, сколько сходна исторія етихъ миѳологическихъ существъ у Славянъ съ греческою, коль скоро мы, отсѣкая все, выдуманное и прибавленное вѣками, будемъ искать первоначальнаго ея образа. Такъ преданіе объ Амазонкахъ, помѣщаемыхъ фантазіею Грековъ у береговъ Меотиды и у подножія Кавказа, родины Діаны, преданіе, связанное съ исторіею етой богини [143], выразилось въ поетическо-баснословномъ разсказѣ о войнѣ дѣвицъ съ мужчинами, сохраненномъ въ чешскихъ хроникахъ [144]. — И такъ, изъ такого хаоса наименованій, подъ которыми разумѣли обыкновенно нѣсколькихъ отдѣльныхъ боговъ, съ прибавкою вымышленныхъ, о именахъ которыхъ Славяне язычники не слыхивали, выходитъ, что Славяне признавали единаго Бога-Вседержителя, Творца и Отца творенія, который своею премудрою всетворною любовію — Ладою создалъ первоначально бытіе. Ето бытіе заключало въ себѣ противоположность мужеской и женской природы: первая выразилась свѣ-

143) Symb. II. 112. 161. — 144) Cosmas p. 21. — Kron. czeska 20.

томъ, духомъ, вторая — матеріею, водною жидкостію: чрезъ гармоническое соединеніе етихъ существъ образовалось невидимое и видимое. Ето вѣрованіе выразилось въ мифѣ о двухъ пелагическихъ Кабирахъ[145]). Свѣтъ-Духъ, истекающій отъ Бога, есть образъ высочайшаго существа, сынъ божества и потому достоинъ поклоненія. А такъ-какъ ето существо выказываетъ свое творчество, свою мудрость въ міроправленіи, воспринятую отъ Бога, въ разнообразіи явленій міра духовнаго и физическаго, то и поклоненіе ему было подъ разными видами. Свантовитъ, Радегастъ, Триглавъ, Сварожичь, Яровитъ, Руевитъ, Поревитъ. Поренутъ, Перунъ, Ясный, Живый, Ладъ, Лель, Дождь-Богъ, Бѣлъ-богъ, Хорсъ, Прове — все ето не болѣе какъ наименованія одного и тогоже существа свѣтоносно — духовнаго, сына божія. Не смотря на различія въ изображеніяхъ, сопряженныхъ съ названіями, отличія которыхъ означаютъ только разныя стороны явленія существа, славянская мифологія еще не впала въ политеизмъ; каждое наименованіе божества не соединялось исключительно съ однимъ какимъ — нибудь его качествомъ, такъ чтобъ не касалось другого; напротивъ каждое вполнѣ выражало все, что божеству приписывалось. Всѣ ети такъ называемые боги значили одно и тоже; ко всякому прибѣгали съ моленіями о счастіи; у всякаго искали отвѣта небесной му-

---

145) Symb. II. 306.

дрости; предъ всѧкими совершались гаданїѧ, и приносились одинакїѧ жертвы; всѧкїй былъ покровителемъ плодородїѧ, общественнаго и семейнаго счастьѧ и войны; оттого, всѧкїй у писателей, незнавшихъ смысла религїи, но попадавшихъ кстати на угадъ, былъ божествомъ высочайшимъ, главнѣйшимъ, въ то времѧ, когда єти же сами писатели сознаютсѧ, что Славѧне признавали єдинаго Бога.

Противоположное єтому существу свѣтлому, животворному, доброму, было мрачное, смертоносное, злобное, которое, по сказанїю Гельмольда, называлось Чернобогомъ [146], откуда происходитъ названїе чортъ. Въ Mater verborum Вацерада онъ названъ врагъ. Гельмольдъ говоритъ, что онъ назывался єще по славѧнски дьѧволъ [147]). Дѣйствительно, у Славѧнъ было существо злое, называвшеесѧ Дивъ, имѧ столь созвучное съ Дивами зендскаго ученїѧ. Такъ въ Словѣ о Полку Игорѧ говоритсѧ: дивъ кличетъ верху древа и тѣмъ выражаетсѧ предвѣщанїе опасности, а въ другомъ мѣстѣ набѣгъ Половцевъ и бѣдствїе, постигшее южную Русь, выражено: дивъ вержесѧ на землю. Нигдѣ не сказано ѧвно, было ли єто существо начало зла, или падшїй ангелъ; но, не видѧ никакихъ слѣдовъ дуализма въ славѧнскихъ понѧтїѧхъ, не находѧ его вообще на сѣверѣ, сомнѣваѧсь въ существованїи его и въ Персїи, и полагаѧсь на то, что Славѧне

146) Chron. Slavor. 125. — 147) ibid.

признавали единый верховный источникъ жизни, заключаю, что чортъ славянскій былъ такой же совратившійся ангелъ, какъ и Локи Скандинавовъ. На истуканѣ, найденномъ Колларомъ въ Бамбергѣ, онъ представленъ, по толкованію ученыхъ, львомъ (хотя странно, почему левъ могъ быть извѣстенъ Славянамъ: можетъ быть єто собака, а не левъ). Народная фантазія представляетъ его въ видѣ змѣи. Такъ какъ въ сказкахъ носящихъ явственный отпечатокъ древности, злое начало преимущественно является въ видѣ змѣи, то, вѣроятно, змѣиный образъ былъ издревле символомъ злого существа. Єтотъ змѣй представляется въ народной фантазіи темнымъ, но испускающимъ искры:— вѣроятно, у Славянъ было понятіе о двухъ огняхъ: одинъ былъ животворный, неразлучный со свѣтомъ; другой разрушающій, порожденный изъ тмы. Можетъ быть єтотъ-то разрушающій огонь символизовался въ капищѣ Нія въ Гнѣзнѣ, какъ говоритъ Длугошъ, называя єтого Нія Плутономъ.

Съ єтимъ виновникомъ зла борется начало свѣта, истины и добра, и въ такомъ борeніи проявляется жизнь въ природѣ физической и нравственной. Въ природѣ физической борьба выражается противоположностію жизни и смерти существъ и противоположностію годичныхъ временъ: лѣта и зимы. Природа растетъ, цвѣтетъ и оплодотворяется — єто царство Свантовита; природа мерзнетъ, явленія погибаютъ:

его власть противнаго начала. Свѣтъ и теплота представляются въ борьбѣ съ тьмою и холодомъ. Тоже и въ мірѣ нравственномъ: добро въ человѣческомъ мірѣ борется со зломъ. Божество свѣта духовнаго, истины и блага, является между родомъ человѣческимъ, принимаетъ человѣческій образъ, научаетъ смертный родъ истинѣ, борется со врагомъ, недопускающимъ человѣка къ блаженству, побѣждается, а наконецъ востаетъ и торжествуетъ. Такой принципъ составляетъ душу почти всѣхъ вѣрованій человѣческихъ. — Въ Зенд-Авестѣ начало свѣта, Ормуздъ, борется съ Агриманомъ, идеаломъ тьмы и зла, побѣждаетъ его, употребляетъ мирныя средства къ его обращенію, но Агриманъ упорствуетъ; Ормуздъ заключаетъ его въ тюрьму, — Агриманъ освобождается, искушаетъ человѣка, одолѣваетъ Ормузда; начинается попеременное царство добра и зла; наконецъ, приходитъ Созіашъ, сынъ дѣвы, воплощенное духовно-свѣтоносное существо, побѣждаетъ Агримана, воскрешаетъ мертвыхъ, творитъ новое небо и новую землю, судитъ міръ и воцаряетъ торжество добра и истины на вѣки [149]. — Въ индійскомъ ученіи богъ-Вишну, символъ свѣта, воплощается на землѣ нѣсколько разъ и послѣднее воплощеніе будетъ вѣчное торжество. Въ египетской мифологіи Озирисъ, высочайшій свѣтъ, первообразъ годичныхъ перемѣнъ и человѣческой му-

148) Kleuk. 1—23. Rauschn. 29. — 149) Bun. Degesch. 19. 30. 31. 34. 113.

дрости, приходитъ въ видѣ человѣка на землю, оказываетъ родꙋ человѣческомꙋ благодѣянія, потомъ, передъ возвратомъ на небо, ꙋбитъ Тифономъ, одпадшимъ отъ добра своимъ братомъ, погребенъ, а потомъ возвращается къ жизни [150]: онъ остается въ почитаніи народа, какъ воплощенное, страдавшее и торжествꙋющее божество [151]. Єгиптяне праздновали єто событіе ежегодно весною съ большимъ торжествомъ: оно начиналось плачемъ и оканчивалось радостію [152], исторія выражала обрѣтеніе Изидою Озириса; при єтомъ драматически представлялось ꙋбіеніе и погребеніе божества [153]. Тоже понятіе выразилось и въ миѳической исторіи Сома — Гераклеса, который сожженъ пламенемъ и возвратился въ небесное жилище [154], — У Грековъ, ꙋ которыхъ смѣшались и переобразились разнородныя вѣрованія всѣхъ частей свѣта, єта идея о воплощеніи, страданіи, и торжествѣ свѣтоноснаго сꙋщества выразилась въ нѣсколькихъ лицахъ. Ꙋниженное странствованіе на землѣ высшаго лица изображается въ исторіи Ѧполлона, который, для очищенія, пасетъ стада, а потомъ возвращается въ свѣтлое жилище [155]. Єта идея представляется полнѣе въ миѳѣ Діонисія [156], воплощеннаго солнца, дꙋши міра, освободителя, просвѣтителя и ꙋтѣшителя рода смертныхъ, плодотворнаго дꙋха, героя добра и свѣта, —

---

150) Rausch. 46. Symb. III. 338. I. 283. 238. 346. — 151) ibid. I. 297. — 152) ibid. I. 2(8. — 153) Русс. прост. праздн. 4. — 154) Symb. II. 236. — 155) Funke Lex. I. 260. — 156) Symb. III. 100. 513.

онъ странствуя на землѣ, научалъ людей, побѣждалъ зло, и былъ убитъ, а потомъ содѣлался правителемъ міра. Его окончательное торжество выражалось различно въ миѳологіи: по однимъ символамъ его найденныя дѣтородныя части остаются какъ бы залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ [137]; по другимъ, онъ, подъ именемъ Загрея, былъ умерщвленъ Титанами, но Минерва принесла еще теплое сердце къ Зевсу и тотъ возсоздалъ изъ него новаго Діонисія [158]. Тотъ же миѳъ заключается и въ исторіи Геракла, который странствуетъ по землѣ съ чудеснымъ геройствомъ, снисходитъ въ адъ, убитъ, а потомъ принятъ въ рядъ боговъ на небо, гдѣ сочетавается съ вѣчно-прекрасною Геною [159] и прообразуетъ въ природѣ солнечный годъ [160].—Но яснѣе всего ета идея выразилась у Грековъ и на Востокѣ въ почитаніи Адониса, который, по толкованію Макровія, означалъ солнце у восточныхъ народовъ [161]. Праздникъ Адониса торжествовали Греки весною два дни: въ первый день носили изображеніе Адониса, пѣли унылыя пѣсни, играли печально на флейтахъ и приносили погребальную жертву: каѳедра [162]. Въ Александріи тогда дѣлали подобіе мертваго человѣка, несли на носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ [163]. Тоже праздновалось у Финикіянъ, о чемъ говоритъ

157) ibid. II. 303. — 158) ibid. III. 352. — 159) Funke Lex. II. 836. — 160) Symb. IV. 26. — 161) Macrob. I. c. 21.—162) Funke. adonia. T. I. 40. — 163) Symb. II. 95.

пророкъ Іезикіиль упоминаетъ о женщинахъ, плачущихъ по Ѳаммузѣ [164]. Это празднество совершалось въ Библосѣ, Антіохіи, Вавилонѣ и, наконецъ, въ Персіи, гдѣ Адонисъ назывался Акобисъ [165]. Вездѣ оно раздѣлялось на двѣ половины: въ первой плакали и погребали Адониса; вторая называлась торжествомъ воскресенія или обрѣтенія Адониса и сопровождалась шумно-веселыми восклицаніями и оргіями. Адонисъ знаменовалъ солнце. Его смерть означала зиму, которая изображалась въ образѣ вепря, поразившаго Адониса; его воскресеніе — весну [166]. — У Римлянъ весною праздновали такимъ же образомъ смерть и погребеніе Аттиса, а потомъ возвращеніе его къ жизни [167]. У Скандинавовъ этотъ мифъ выразился въ поэтической исторіи Бальдура. Бальдуръ — символъ солнца, Аполлонъ сѣверный, сынъ Фригги, былъ непобѣдимъ, прекраснѣе всѣхъ боговъ, и всѣхъ страшнѣе для злого Локи. Локи, однако, хитростію нашелъ способъ убить его. Всѣ боги жалѣли о Бальдурѣ и послали къ подземной Гелѣ просить его возвращенія. Гела отвѣчала, что это можетъ быть только тогда, когда вся тварь объ немъ заплачетъ. Дѣйствительно, всѣ существа заплакали о Бальдурѣ, но Локи превратился въ старуху и низачто не хотѣлъ пожалѣть объ немъ [168]. Отъ этого, Бальдуръ остал-

---

164) Symb. VIII. 14. — 165) Funke ibid. — 166) Symb. II. 101. — 167) ibid. IV. 31—32. — 168) Rauschn. 387.

ся въ подземномъ мірѣ; но, при концѣ міра, онъ воскреснетъ, поразитъ Лока и возродитъ новую землю; тогда настанетъ торжество правды [169]. У Славянъ существовало такое же понятіе. — И теперь, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при началѣ весны, въ другихъ въ Іюнѣ (точно такъ и Адониса праздновали то въ Мартѣ, то въ Іюнѣ), — выражается въ народныхъ обрядахъ уже неясное вѣрованіе. Дѣлаютъ чучело, называемое въ Украинѣ насмѣшливо Кострубонькомъ, кладутъ на землѣ, поютъ надъ нимъ печальныя пѣсни, потомъ погребаютъ, и всегда кончаютъ обрядъ веселыми пѣснями и шумною радостью. Въ иныхъ мѣстахъ ето чучело, послѣ обряда, несутъ съ торжествомъ, убитое цвѣтами и лентами, и топятъ въ водѣ, какъ топили чучело Адониса въ Александріи, по свидѣтельству Теокрита [170]; ето означаетъ окончательное торжество: бракосочетаніе свѣта съ водою.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ — лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣянія, страданіе и торжество. Ета идея высказалась и въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ, и въ нашемъ

---

169) Dahlm. Gesch. v. Dan. I. 35. — 170) Theocr. XV.

ꙗзыческомъ божествѣ съ различными названіями и съ однимъ значеніемъ. Гельмольдъ [171] говоритъ, что Радегастъ былъ герой, странствовалъ по землѣ, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Вѣрно Славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь какъ существа вмѣстѣ божественнаго и человѣческаго, ꙗко Свантовитъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами. Мы навѣрное знаемъ, что, по понятію ꙗзыческихъ Славянъ, богъ могъ ꙗвляться людямъ [172] въ человѣческомъ образѣ, въ бѣлой свѣтоносной одеждѣ, символомъ которой было священное облаченіе жрецовъ при богослуженіи. Къ етому же понятію о временномъ побѣжденіи свѣта тьмою и о послѣдующемъ его торжествѣ относится суевѣріе о снѣденіи солнца: наши предки, еще неосвободившіеся отъ предразсудковъ, думали, что змѣй съѣдаетъ солнце, а потомъ, оно опять воскресаетъ и побѣждаетъ врага: такъ толковали затмѣніе невѣгласы, какъ называютъ нашъ народъ недовольные лѣтописцы.

Ета идеꙗ воплощеніꙗ, страданіꙗ и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествіꙗ Сына Божіꙗ, солнца правды, свѣта истины, и служитъ величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины нашего Св. Писаніꙗ. Ето была идеꙗ, вложеннаꙗ Творцемъ въ родъ человѣческій:

171) Chron. Sláv. — 172) Vita S. Ott. 408.

человѣкъ какую бы религію ни создалъ себѣ, непремѣнно долженъ былъ проявить въ ней то начало, съ которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ него мысль о вочеловѣченіи Божества было бы столь же трудно, какъ истребить вѣру въ свою душу. Коварные умы не разъ уже хотѣли доказывать подложность исторіи Іисуса Христа видимымъ подобіемъ съ вѣрованіемъ народовъ, неразъ уже указывали и на Созіаша, и на Адониса, и на Аполлона, какъ на первообразы Богочеловѣка; но всѣ ихъ указанія могутъ служить только большимъ подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ того, что́ хотятъ ниспровергнуть. Во всѣхъ миѳологіяхъ, какъ бы они ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазіею, скрываются истины, въ глубочайшей древности дѣтства человѣчества открытыя свыше. Хотя Евреи сохранили ихъ въ чистѣйшемъ видѣ, но и другіе народы не потеряли ихъ совершенно, ибо всѣ, по премудрому предначертанію Провидѣнія, должны были содѣлаться участниками спасенія. За всѣхъ умеръ Христосъ, и потому былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ. Въ блуждающихъ образахъ народы искали его; Онъ, по словамъ Св. Писанія, въ мірѣ былъ, но міръ его непознавалъ, и когда нашлись тѣ, которые познали его, когда, подобно завѣсѣ, раздранной въ храмѣ въ минуту его кончины, пали передъ свѣтомъ его темные призраки и символы, Церковь его стоитъ на такомъ

твердомъ камнѣ ясной для всѣхъ истины, что врата адовы не сдвинутъ ее во вѣки.

Вся вселенная, оживотворенная огнесвѣтомъ, духомъ красоты, гармоніи и разума, сыномъ красной любви — Лады, великимъ Ладомъ, Бѣлымъ добрымъ Богомъ, святымъ витяземъ, другомъ человѣка, соединеннымъ плодотворною любовію съ прекрасною Дѣвaною, есть сцена борьбы его съ мрачнымъ Чернобогомъ. Все на землѣ оживлено духами, которые помогаютъ или доброму или злому началу. Объ этомъ говоритъ ясно Гельмольдъ. Какъ нравственнымъ свойствамъ человѣка, такъ и физическимъ предметамъ Славяне придавали духовъ: одни были добрые, другіе были падшіе. Это совершенно сходно съ ученіемъ Зендъ-Авесты объ Изедахъ. У Славянъ они носили названіе боговъ вѣтряныхъ, водяныхъ, лѣсныхъ, полевыхъ и земляныхъ [173]).

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды и всѣ небесныя явленія изображались олицетворенными. Мѣсяцъ былъ супругъ звѣзды, его спутницы: въ свадебныхъ нашихъ пѣсняхъ заставляютъ добрый мѣсяцъ призывать любезную свою звѣзду взойти разомъ, освѣтить поле и море, обрадовать звѣрей въ лѣсу и путника въ дорогѣ. Въ созвѣздіи медвѣдицы, народъ видитъ коней, вѣроятно, Свантовита. Черная собачка, олицетвореніе Чернобога, каждую ночь хочетъ перегрызть упряжь,

173) Kron. Czeska.

чтобъ разрушить весь организмъ творенія, но не успѣваетъ, потому—что передъ разсвѣтомъ побѣжитъ пить къ студенцу, а тѣмъ временемъ упряжь срастается. Въ созвѣздіи Оріона земледѣльцы видятъ плугъ, символъ гражданственности, который, по старинному скиѳскому понятію, спалъ съ неба. Радуга есть блестящее коромысло, которымъ царица небесная—прежде Жива-Лада, а теперь Матерь истиннаго Свѣта—почерпаетъ изъ святаго всемірнаго студенца животворную воду и орошаетъ поля. Громъ происходитъ отъ Громовника, превращеннаго изъ Перуна въ Св. Илію. Воздухъ Славяне олицетворяли подъ именемъ духа Погоды или Догоды [174]; вѣтеръ почитали за духъ, вѣющій отъ божества, называли его Стрибогомъ [175] и Похвистомъ [176]:—этотъ демонъ готовъ сдѣлать столько же добра, сколько и вреда людямъ, не отъ злобы, а отъ юношескаго своеволія. Дурной вѣтеръ назывался вихорь и происходилъ отъ Чернобога. Онъ носитъ еще названіе Кулла [177]. Онъ могъ ослѣпить человѣка и раздуть его; и много сохранилось преданій до сихъ поръ о порчѣ людей посредствомъ дурного вѣтра. Огненные метеоры были также злыми явленіями и назывались змѣями и смоками. Падающія звѣзды почитались душами-феруанами людей и паденіе означало смерть.

Вода была населяема существами, служившими то доброму, то злому началу: хотя вода была сама

---

174) Dlug. Histor. Pol. I. 37.—Helm. Chr. Slav. c. 84. — 175) Сл. о пол. Игор. — 176) Dlug. ibid. — 177) Сахар. Рус. чернок. 37.

себѣ свята, но злое существо посылаетъ въ нее своихъ клевретовъ для отравленія счастія людского. Впрочемъ, въ настоящее время трудно узнать, что́ принадлежало прежде Ладу, а что́ Чернобогу; по большей части всѣ такія существа представляются опасными для человѣка; но ето произошло уже после принятія Христіанства, когда учители вѣры изображали ложныя божества бѣсами; — несмотря на то, и теперь сквозь заимствованное понятіе прорывается прежнее.

Къ существамъ, населяющимъ воду, принадлежатъ, во первыхъ, Русалки. Какъ много значили ети существа у Славянъ, видно изъ того, что всегда сохранялась не только память объ нихъ, но даже вѣра въ ихъ существованіе; и самые суровые лѣтописцы принуждены бывали называть русальною недѣлею время, опредѣленное для празднованія етимъ нимфамъ. Корень слова Русалка находится въ языкѣ кельтскомъ, гдѣ Русъ значитъ вода; но какъ усвоено было ето слово у насъ, видно изъ множества названій рѣкъ, напр. Руса въ Новгородской губерніи, Россь, впадающая въ Нарву, Рось въ Кіевской губерніи, Русиловка въ Полтавской; да наконецъ въ нашемъ языкѣ есть слово русло, означающее средину рѣки [178]. Русалка значитъ обитательница русла — воды. Ето тѣ самыя нимфы, о которыхъ упоминаетъ Прокопій. Живя постоянно въ водѣ, на праздникъ Лады

178) Рус. прост. праздн. Т. 3. — Dzieje nar. Litewsk. I. 775.

весною, когда вся природа праздновала воскресеніе и возвратъ Адониса-Свантовита, они выходили изъ воды и отправляли хороводы на лугахъ, въ лѣсахъ и на нивахъ. Нынѣшнія повѣрья изображаютъ ихъ существами своевольными, шутливыми: онѣ качаются по деревьямъ, чешутся при свѣтѣ луны; но иногда нападаютъ на людей и защекочиваютъ ихъ до смерти: ето, однако, происходитъ болѣе отъ шалости. Русалки существа легкія, почти безтѣлесныя, ни добрыя, ни злыя; онѣ какъ будто воплощенныя въ человѣческомъ образѣ предметы физическаго міра, но при человѣческой фигурѣ сохранили и безсознательность и безразличность матеріи. Имъ приносили жертвы: объ етомъ говорятъ Прокопій и Козьма Пражскій; у насъ, до позднѣйшаго времени, сохранился обычай раскидывать полотенца по деревьямъ на рубашки русалкамъ, а въ Украинѣ кладутъ горячій хлѣбъ по окнамъ, думая, что паромъ отъ него питаются русалки. Онѣ вѣроятно, были спутницы Дѣвонѣ, и потому изображаются какъ существа земноводныя; ибо народныя суевѣрія помѣщаютъ ихъ по полямъ и лѣсамъ подъ именемъ Мавокъ. Къ такимъ же принадлежатъ морскія панны. Къ злымъ воднымъ существамъ причислялись топѣльцы и ухеходи или сирены у Чеховъ, у Русскихъ водяные и болотяные, которые перевертываютъ лодки, заманиваютъ людей въ погибель, разрываютъ плотины, ломаютъ мельницы. Бо-

лото представляется жилищемъ существъ злыхъ, а чистая вода добрыхъ.

Къ сухопутнымъ фантастическимъ существамъ принадлежали вилы, о которыхъ повѣрья остались у Сербовъ. Вила изображается прекрасною дѣвою, но вмѣстѣ воинственною. Онѣ часто дѣлаютъ зло людямъ, умилостивляются кровавыми жертвами, какъ ето видно изъ прекрасной пѣсни о Зиданьѣ Скадра на Боянѣ [179]) заключаютъ съ героями побратимство и помогаютъ имъ на войнахъ. Ето Амазонки спутницы Артемиды. У Чеховъ подобныя дѣвы называются полуденицами. Въ Россіи, по свидѣтельству Герберштейна, вѣрили встарину въ какихъ-то полуденныхъ духовъ, о которыхъ сохранилось преданіе въ заговорахъ. Сохранилось на Руси также темное преданіе о какихъ-то дѣвкахъ простоволосыхъ [180]).

Къ лѣснымъ богамъ принадлежатъ Святиборъ, лѣшіе у Русскихъ, представляемые одноглазыми, и великаны вырвидубы. Лѣса были у язычниковъ нашихъ предметами особеннаго поклоненія, ибо всѣ свѣтопоклонники чествовали растенія, какъ проявленіе ежегодной дѣятельности свѣтоноснаго начала. Такъ Діонисій былъ вмѣстѣ богъ цвѣтовъ и травъ. Въ Персіи съ особеннымъ благоговѣніемъ почитали лѣса. Религія зендская заключала ученіе о священномъ деревѣ жизни, называемомъ Гомъ [181]). Ето дерево

179) Нар. српске пiесме. II. 10—20.—180) Сказ. русс. нар. 18.—181) Zend-Av. III. th. 206.

играетъ тамъ важную роль при сотворенiи мiра, источаетъ живую (живущую-целющую у Славянъ) воду [182], а Бун-Дегешъ признаетъ его необходимымъ въ великомъ актѣ воскресенiя [183]. Что-то подобное было и у Славянъ, ибо въ пѣснѣ, гдѣ описывается чудесное сотворенiе мiра, говорится, что прежде чѣмъ создана была земля и небо, стояли два дуба посреди первоначальной жидкой массы. Такое дерево у Скандинавовъ называется Игдразиль, или всемiрное дерево: туда сходились боги для совѣта о созданiи мiра [184]. О поклоненiи Славянъ деревьямъ мы имѣемъ многiя чисто-историческiя свидѣтельства. Прокопiй говоритъ, что Славяне имѣли священныя рощи и покланялись старымъ деревьямъ. Въ Штеттинѣ росъ большой вѣтвистый дубъ надъ источникомъ: этотъ дубъ считался жилищемъ божества [185]. Священныя рощи замѣняли храмы, и одна изъ такихъ рощъ описана Гельмольдомъ [186]. Изъ Краледворской рукописи мы узнаемъ, что у Чеховъ были заповѣдныя рощи, гдѣ находились истуканы, и самыя деревья почитались священными. Ибнъ-Фоцланъ передаетъ извѣстiе о поклоненiи Руссовъ деревьямъ, которое доходило до грубаго фетишизма. Константинъ Порфирородный говоритъ, что Руссы приносили жертвы подъ деревьями. Въ житiи Князя Константина говорится, что Русскiе язычники покланялись дуплистымъ деревьямъ,

---

182) Kleuk. 56. — 183) Bun-Dehesch. 105. — 184) Rauschn. 377. — 185) Vita S. Ott. 403. — 186) Chr. Slav. L. II. 83.

обвѣшивая ихъ ўкрўсами [187]. Въ Уставѣ князя Владиміра запрещается молиться ў рощей [188]. Сўдя по остаткамъ нашей мидологіи въ пѣсняхъ, кажется, ў рѣдкаго народа была такъ оживлена и осимволизирована растительная природа: деревья и травы часто говорятъ и междў собою, и съ птицами, и людьми, и имѣютъ символическое примѣненіе къ человѣкў. Здѣсь некстати излагать символикў народною: предоставляется таковой трўдъ етнографамъ и археологамъ.

Славяне почитали священными деревьями дўбы, особенно старые; ясень, какъ должно дўмать, былъ посвященъ Перўнў что показываетъ сходство етого слова съ наименованіемъ божества ў Длўгоша [189]. Кленъ и липа символизовались, — какъ видно изъ пѣсень, — брачною четою; кленъ заключалъ въ себѣ таинственнўю благодѣтельнўю силў; ето дерево ўпотребляется особенно во время народныхъ празднествъ въ Великой Россіи. Кленовый листъ имѣлъ магическое цѣлительное свойство. Подъ липами совершались жертвоприношенія. Орѣшникъ, посвидѣтельствў Оттонова жизнеописателя, былъ также священное дерево. Береза символизовала чистўю мать природў. Что касается до травъ, то хотя многія теперь ў народа имѣютъ то символическое, то чародѣйственное значеніе, однако трўдно ўзнать какія изъ нихъ что̀ значали въ язычествѣ.

187) Карамз. Т. I. пр. 216. стр. 351. — 188) Тамже пр. 1. 483. — 189) Hist. pol. N.

Птицы у Славянъ имѣютъ символическія значенія. Преимущественно же миѳологическія понятія соединялись съ кукушкою, голубками, ласточками и воронами. — Кукушка изображается провозвѣстницею будущаго, съ таинственнымъ смысломъ. Въ одной украинской пѣсни говорится, что надъ сиву зузуленьку на свѣтѣ нема. Это объясняется сказаніемъ Прокоша, что въ эту птицу превращается Живый. — Голубь у всѣхъ Славянъ символъ любви и потому-то въ одной карпатской пѣсни приписывается сотвореніе міра двумя голубками, т. е. мужскому и женскому первосуществу. Такое понятіе есть общемиѳологическое, ибо голуби, по сирійской миѳологіи, высидѣли яйцо, изъ котораго образовалась богиня Деркето-Афродита [190]. Такъ въ греческой миѳологіи начало додонскаго прорицалища приписывается прилетѣвшимъ туда двумъ голубкамъ [191], и съ тѣхъ поръ голуби служили при храмѣ символами жизни, питанія и цѣломудрія. — Ласточка у древнихъ Славянъ принимала большое участіе въ судьбѣ человѣка. Такъ въ Любушиномъ судѣ ласточка полетъ знакъ сестрѣ Кленовичей о ссорѣ ея братьевъ. Вороны (крагун) у Чеховъ были священными птицами; никто не смѣлъ пугать ихъ въ лѣсу, а Забой считаетъ величайшею обидою для своихъ боговъ, когда Христіане выгнали изъ лѣсовъ крагуевъ. Сова, кажется, была символомъ

190) Symb. 11. 65. — 191) ibid. 163.

смерти и тьмы: когда душа вылетала изъ тѣла, то всѣ птицы перепугались, не испугались однѣ совы. Но кромѣ этихъ птицъ, Славяне многимъ другимъ приписывали даръ прорицанія. Птицеволхвованіе было распространено у всѣхъ народовъ нашего племени. Въ Великой — Россіи особенную силу имѣетъ ворожба посредствомъ черной курицы [192]), что сходно съ гаданьями авгуровъ и конечно относится къ языческому міру.

Изъ четвероногихъ священными у Славянъ были волъ и конь. Изображеніе бычачьей головы на щитѣ Радегаста относится къ свѣтопоклонической идеѣ Персовъ и Египтянъ; быкъ былъ символомъ плодотворенія, и потому въ Зенд-Авестѣ первое существо, изъ котораго образовались твари, изображается быкомъ [193]). Въ Египтѣ быкъ означалъ живительную силу солнца. Въ Греціи быкъ изображалъ Бахуса, принимаемаго въ значеніи солнца [194]). Какъ почитали Славяне коня, видно изъ описаній богослуженія Свантовита и Радегаста: гаданье посредствомъ коня осталось до сихъ поръ у насъ. Въ общемидологической системѣ конь представлялся животнымъ, неразлучнымъ съ быкомъ [195]). Въ Зенд-Авестѣ конь животное солнца и Коршидъ (одно изъ наименованій солнца) представляется на коняхъ [196]). Тоже приписывалось Аполлону, какъ

---

192) Русс. Чернокн. 65. — 193) Zend-Avesta I. th. 254—257.— 194) Symb. IV 258. III. 104. — 195) Symb. IV 380. — 196) Kleuk. 18.

солнцу. Священными насекомыми почитались пчелы. По русскимъ суевѣріямъ пчелы произошли изъ лошади, заѣзженной водянымъ, и найдены въ рѣкѣ [197]); ето нѣсколько указываетъ на зендскаго быка, убитаго Ариманомъ. Въ Греціи пчелы считались спутницами Артемиды, также были посвящены Церерѣ и служили памятникомъ и символомъ золотого вѣка [198]). Медъ у Славянъ считался священнымъ какъ и у греческихъ язычниковъ: онъ приносился въ жертву богамъ и употреблялся на тризнахъ.

Землю Славяне населяли существами добрыми и злыми. Къ добрымъ принадлежитъ дѣдушка, который появляется на мѣстахъ, гдѣ скрыты сокровища, и отъ прикосновенія разсыпается, давая знать человѣку о богатствѣ. Скритки у Богемцевъ—пигмеи,—кажется, были существа ни добрыя и ни злыя; такъ въ Россіи вѣрятъ въ котигорошекъ, мужичекъ съ ноготокъ—борода съ локотокъ и т. под. Были подземные злые духи у Славянъ, у Богемцевъ назывались они Стриги [199]). Воины призывали ихъ на помощь противъ враговъ и они умѣли силу остановить лошадь непріятеля; отъ етого отдѣлывались тѣмъ, что чертили саблею крестъ на землѣ между ногами лошади: етимъ разрывали невидимыя узы, связывавшія животныхъ; послѣ того слѣдовало въ

197) Сахар. Сказ. Рус. нар. о знахорствах. 49.—198) Symb. II. 172.—199) Scias Bohemorum strigas sive lemuras nostras praevaluisse Eumenidas.—Cosmas.

жать, не оглядываясь [200]. Домовые, безъ сомнѣнія, у Славянъ означали пенатовъ, покровителей дома и домашнихъ пожитковъ. Хотя теперь обыкновенно ихъ признаютъ за злыхъ, но въ старину они были добрыми геніями и старое понятіе прорывается въ нынѣшнихъ вѣрованіяхъ. Такъ въ заговорѣ мать отводитъ отъ сына чужого домового; свой же домовой не опасенъ [201].

Къ числу злыхъ фантастическихъ существъ, принадлежали кащей-адунъ [202] или Кощей безсмертный, представляемый воображеніемъ въ видѣ скелета, треклятая баба яга, противоположная золотой Бабѣ-Ладѣ, куга у Сербовъ или моровая женщина и проч. Такъ-какъ цѣль моя не писать полной мифологіи славянской, тѣмъ болѣе народнаго демонословія въ настоящее время; то я ограничиваюсь сказаннымъ, представляя подробное разсмотрѣніе етнографамъ. —

Съ символическимъ почитаніемъ предметовъ физическаго міра, тѣсно связанъ былъ у Славянъ догматъ превращенія, — въ пѣсняхъ Славянскихъ народовъ очень много исторій о превращеніяхъ: вѣрно предки наши вѣрили, что душа покойника и даже живой человѣкъ съ тѣломъ можетъ перейти въ дерево или птицу, или какое другое существо a).

---

200) Ibid. — 201) Сахар. Рус. Чернокн. 19. — 202) Сахар. тамъ же.

a) Нѣсколько такихъ метаморфозъ я считаю нелишнимъ привести здѣсь:

1. Дѣвушка, не слушая предостереженій брата, вступила на рѣчную

Дитмаръ говоритъ, будто Славяне не знаютъ ничего о будущей жизни; но ето несправедливо, ибо мы видимъ явственно изъ остатковъ нашей поезіи противное. Изъ Краледворской рукописи мы знаемъ, что Славяне признавали въ человѣкѣ особое существо, которое называли душею или душицею и мѣсто ей полагали въ горлѣ. Выкитая изъ тѣла жемчужная (по выраженію сл. о п. Игор.) душа выходила изъ горла и пускалась по деревьямъ; тогда Морена препровождала ее въ черную ночь. Такъ изображается кончина человѣка. Изъ Нестора и арабскихъ писателей мы знаемъ, что Славяне своихъ мертвецовъ сжигали, а пепелъ ставили въ сосудахъ на столпахъ надъ дорогами и творили тризну или поминки въ честь усопшихъ [204]. Было ли у Славянъ опредѣленное мѣсто для душъ, объ етомъ положительно ни-

---

кладку утонула и превратилась въ березу, очи ея въ терновыя ягоды, а коса въ траву.

2. Злая мать преслѣдовала сына суровымъ обращеніемъ: сынъ уѣхалъ и превратился въ яворъ, а конь его въ камень. Мать вышла въ поле и стала подъ яворъ, который отозвался къ ней и она превратилась въ пыль.

3. Юноша полюбилъ дѣвицу и убѣжалъ съ нею, но никакъ немогъ соединиться бракомъ; самъ онъ превратился въ теренъ, а дѣвица въ калину.

4. Господинъ ненавидѣлъ свою жену и полюбилъ молодую дѣвушку, которая расказала объ этомъ госпожѣ. Госпожа убила ее: изъ ея ногъ выросли два явора, а изъ рукъ два бука.

5. Дѣвица долго дожидалась своего жениха, выходила на высокій курганъ, и плакала до тѣхъ поръ, пока превратилась въ тополь.

203) Ibn-Fotzl. 19. Нест. 6. — 204) Нест. ibid.

гдѣ не сказано; выраженіе: Морена усыпила его въ черной ночи, по видимому, показываетъ, что не было у нихъ ни рая, ни ада, но Славяне не признавали совершеннаго уничтоженія послѣ смерти, и черная ночь Морены не была ничтожество. Праздники въ честь умершихъ, совпадающіе весною съ празднествами обновленія природы, возліянія и молитвы за мертвыхъ, показываютъ, что Славяне имѣли понятіе о жизни загробной. Изъ Нестора и Льва Діакона [205]) мы узнаемъ, что, по славянскому понятію, клятвопреступникъ будетъ рабомъ въ будущемъ вѣкѣ. Встарину во время поминокъ лили вино на могилу и ставили кушанья, съ тою мыслію, что все ето достанется покойнику. Слѣдовательно, смерть не пресѣкала существованія человѣка совершенно. Едвали у какого народа есть столько преданій о бродячихъ мертвецахъ, какъ у Славянъ; но точно, Славяне не-

---

6. Мужъ уѣхалъ на войну, оставя жену на попеченіе матери своей. Свекровь обращалась съ нею такъ сурово, что невѣста отъ тоски превратилась въ рябину. Мужъ, возвратившись, увидѣлъ неизвѣстную рябину, началъ рубить, а въ деревѣ показалась кровь, и рябина сказала, что она превращенная жена его.

7. Дѣвица несла воду, отяготясь работою, наложенною на нее хозяйкою, бросила ведра и превратилась въ яблоню. Юноши ѣхали мимо, срубили яблоню и сдѣлали изъ нея гусли.

8. Братъ убилъ брата: изъ тѣла убитаго выросла камышина, которая, бывъ сорвана, играла пѣсню, обличающую убійство.

9. Юноша долго находясь въ чужбинѣ, женился и узналъ, что жена его—родная сестра: оба превратились въ цвѣтокъ, называемый по великорусски Иванъ да Марья, а по украински братъ съ сестрою (viola tricolor): брата означаетъ синій цвѣтъ, а сестру желтый.

205) Ист. Льва Дьяк. 94.

имѣютъ для нихъ опредѣленнаго мѣста: мертвецы, по народному понятію, неприходятъ изъ ада и мрака, а вылѣзаютъ изъ гроба или появляются неизвѣстно откуда; одни дѣлаютъ людямъ зло, другіе бродятъ безъ всякой цѣли по міру, не находя себѣ пріюта. Изъ всѣхъ такихъ повѣрій, которыхъ безчисленное множество, видно, что опредѣленное мѣсто для мертвыхъ едвали было, но что было вѣрованіе о жизни послѣ смерти. Впрочемъ, Чехи, которые больше хоронили мертвыхъ, давали мертвымъ въ ротъ и руки монеты для заплаты Wuodzy и Plawcy,— лицамъ, которые, повидимому, долженствовали проводить и переправить куда-то мертвыхъ [206]. Такъ—какъ Славяне сожигали мертвыхъ, и при томъ вѣрили въ пребываніе другого существа въ тѣлѣ человѣческомъ—души, то вставаніе изъ гробовъ немогло быть тогда всеобщимъ вѣрованіемъ. Знаемъ только, что мертвые

---

10. О кукушкѣ расказывается нѣсколько превращеній, напр. у Сербовъ сестра превращается въ кукушку за то, что плакала о мертвомъ братѣ. У Поляковъ княжна, которую отдавали насильно замужъ, превратилась въ кукушку. У Малороссіянъ женщина, отданная въ далекую сторону замужъ, прилетаетъ къ матери въ видѣ кукушки.

11. Женщина превращается въ камень за недостойное употребленіе хлѣба.

12. Свадьбы превращаются въ волковъ по наговорамъ.

13. Души умершихъ превращаются въ птицъ и являются живымъ; такъ въ Малороссійской пѣснѣ душа убитаго прилетаетъ на трупъ свой къ плачущей женѣ въ видѣ павлина.

14. Дѣвушка утопаетъ въ Дунаѣ и члены ея превращаются въ разные предметы, руки въ щукъ, ноги въ сомовъ.

206) Kron. Czesk.

являлись. Я полагаю, что их мѣстопребываніе—вся природа. Души переходили въ деревья и птицъ, и отзывались къ человѣку, или принимали свой прежній образъ и являлись. Это не былъ совершенный метампсихозисъ, но только недостаточность понятія о раѣ и адѣ послѣ смерти. Можно себѣ вообразить, какъ тѣсна была связь Славянъ съ природою, какъ одушевленъ былъ міръ. Между тѣмъ, было вѣрованіе о новой жизни, о возвратѣ и обновленіи. Въ первые дни праздника весны существовалъ обычай закликать мертвецовъ: это дѣлалось тогда, когда праздновалось воскресеніе природы, побѣда Свантовита надъ мракомъ и уничтоженіемъ и, кажется, основывалось на вѣрованіи, что доброе начало нѣкогда побѣдитъ совершенно смерть и воздвигнетъ мертвыхъ къ жизни;—къ этому далекому времени относились награда и наказаніе: вотъ что́ и называлось вѣкъ будущій. Пруссы, посвидѣтельству Дюисбурга [207]), думали, что тѣла нѣкогда воскреснутъ и будутъ жить въ такомъ состояніи, въ какомъ были прежде. Кадлубекъ [208]) говоритъ о Гетахъ, подъ которыми разумѣетъ Латышей и Литовцевъ, что, по ихъ мнѣнію, души выходятъ изъ тѣла, а впослѣдствіи войдутъ въ тѣла, которыя тогда родятся. Въ другихъ миѳологіяхъ находится тоже вѣрованіе, напр. въ скандинавской и въ Зенд-Вестѣ, гдѣ говорится, что воплощенное добро

207) III. c. 5. — 208) IV. c. 19.

Созіашъ поразитъ смерть, воскреситъ мертвыхъ, и создастъ новое небо и новую землю.

Славянская религія чужда была фатализма. Объ етомъ насъ извѣщаетъ еще Прокопій, говоря, что Славяне о судьбѣ вовсе неимѣютъ понятія. Хотя въ настоящее время въ нашемъ простомъ народѣ существуетъ мысль о предназначеніи, но она ясно заимствована съ христіанствомъ отъ чужихъ. У Поляковъ даже слово los, означающее судьбу, заимствовано съ нѣмецкаго. Малороссійское слово доля незначитъ судьбу, а состояніе, въ которомъ находится человѣкъ: въ одной пѣснѣ козакъ жалуется на долю, а доля ему отвѣчаетъ что не доля виновата, а воля. Вотъ коренное славянское понятіе о свободѣ человѣка.—Гаданія при храмахъ не значатъ также вѣры въ судьбу, а значатъ то, что человѣкъ чувствуетъ недостатокъ своего разума и желаетъ узнать отъ божества: будетъ ли кстати то́, что́ онъ предпринимаетъ.

Вѣра въ гаданья была распространена между Славянами до чрезвычайности, такъ-что и до сихъ поръ въ русскихъ селахъ знахоръ или гадатель пользуется такою жъ силою и значеніемъ какъ оракулъ. Прорицанія въ храмахъ всегда совершались съ гаданьями. Гадали не только жрецы, но женщины, которыя, занимаясь етимъ, составляли какъ бы особенный цехъ. Въ Чехіи были женщины, называвшіяся wieszkynie; — онѣ отвѣчали на вопросы относительно политическаго

состоянія страны, и князья предпринимали дѣла по ихъ совѣтамъ [209]. Славяне имѣли глубокое уваженіе къ жребію и считали его объявленіемъ высшей воли. Вмѣстѣ съ етимъ соединялась вѣра въ могущество слова. Человѣческое слово имѣло въ себѣ что-то чародѣйственное, заключало таинственную силу, которую узнать—была высокая мудрость. Слово могло дать человѣку счастіе и погубить его безвозвратно; слово могло прогонять болѣзни, останавливать дѣйствія злыхъ духовъ, управлять физическими явленіями, творить чудеса. Кто постигъ таинственное значеніе слова, тотъ безопасенъ и въ битвѣ, и на морѣ, и среди тайныхъ непріятелей. Памятникомъ етого вѣрованія остались заговоры, посредствомъ которыхъ простой народъ думаетъ пріобрѣтать богатства, избавляться отъ опасностей и болѣзней. Такое вѣрованіе развило у Славянъ любовь къ поезіи и произвело огромный запасъ пѣсенности. Въ пѣснѣ Славянинъ видѣлъ не только пріятное, но высоко чудесное; поетъ носилъ имя вѣщаго, т. е. вѣдающаго сокровенныя истины, и поезія называлась вѣщба. Оттуда, у Славянъ уваженіе къ законамъ и правиламъ отцовъ, выражаемымъ во множествѣ изрѣченій или пословицъ, въ которыхъ высказывается житейская мудрость.

---

209) Kron. Czeska 47.

II.

ПРАЗДНИКИ ЯЗЫЧЕСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомꙋ дѣлился на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, ꙋбрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. Стрыковскій, описывая етотъ праздникъ ꙋ Литовцевъ, говоритъ, что онъ продолжался съ 25 Мая по 23 Іюня. Ето столь долгое празднество было ꙋ Славянъ: ꙋ насъ по деревнямъ поются единственно весною до 23 Іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Нарбꙋтъ сомнѣвается, чтобъ праздникъ народа земледѣльческаго былъ столь продолжителенъ въ такое время, когда нꙋжно заниматься работами; но во первыхъ, самыя полевыя занятія ꙋ Славянъ сопровождались, какъ и теперь сопровождаются, пѣснями, и притомъ такими, какія только и поются во время извѣстныхъ работъ; — а во вторыхъ — время съ 23 Мая до 23 Іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвба кончается, а покосъ еще не начатъ. И теперь, ни въ какое дрꙋгое время не

поется более песень, какъ въ ето. Праздникъ весны былъ даже гораздо продолжительнѣе, а Стрыковскій сказалъ только о части его, о томъ времени, когда свобода отъ работъ давала поселянамъ болѣе возможности предаваться играмъ и забавамъ. —

Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ, подобно какъ у Пруссовъ и у восточныхъ народовъ. Памятниками етого древняго обычая у Славянъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла: его наблюдаютъ въ Украинѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣли поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ етихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ епитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По руски етотъ праздникъ называется пролѣтье. Когда снѣгъ сходилъ, распускались рѣки и выказывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцаренія весны. Прежде всего хороводъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у Поляковъ стадо [1]) купался въ знакъ очищенія. Памятникомъ етого обряда остался въ Украинѣ еще въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Боплана, обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ, юноши бѣгали съ ведрами

1) Dlug. Hist. 1. Krom. 55.

за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы тѣмъ же отплачивали мужчинамъ; въ другихъ мѣстахъ другъ друга бросали въ воду [2]), — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на провеснѣ въ воду, потомъ взлѣзаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершался символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія весны [3]). Въ XVII вѣкѣ въ Польшѣ дѣлали соломенное чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; это чучело называлось *Маржаною*, и означало у Славянъ, по толкованію Бѣльскаго [4]), смерть или зиму — т. е. воду въ стоячемъ положеніи, — Дѣвану - Гекату въ пагубномъ, убивающемъ отношеніи. Тогда пѣли: смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы. — У Чеховъ такой же праздникъ назывался торжествомъ убитой зимы и воскресенія весны [5]). Потомъ, другое соломенное чучело было сожигаемо съ пѣснями и криками. Эти два обряда означали распусканіе воды, и умерщвленіе *Маржаны* или зимы — воды мертвой, посредствомъ сочетанія огнесвѣта съ водою живою и плодородящею (цѣлящая и мертвящая вода въ русскихъ сказкахъ). Что топленіе и сожженіе совершалось вмѣстѣ, видно изъ слѣдующаго: Бѣльскій говоритъ [6]), что топленіе *Маржаны* было отправляемо

---

2) Déscript. d'Ukr. Синопс. 49. — 3) Русс. прост. празд. III. 13.— 4) Bielsk. Kron. — 5) Карамз. Т. I. пр. 232, с. 352. — 6) Рус. прост. празд. VII. 9.

на бѣлой (на 5-й недѣлѣ поста) недѣлѣ, а въ пѣснѣ малороссійской поется:

На бѣлôй недѣли,
Пожары горѣли;

Потомъ совершалось закликаніе или призываніе весны. Ѥто торжество у Русскихъ называется красною горкою, у Червонорусcовъ гаилками. — Какъ идея свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное, и погребальное.

Во первыхъ, ѥто было торжество приходящей весны. Оно начиналось призваніями матери солнца, великой Лады [a]. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнцу [b]; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ [c]; пѣли священныя пѣсни въ

---

a) Напр. въ пѣснѣ:

Благослови мати,
Ой, мати Лада, мати!
Весну заклпкати.

b) Напр. Солнышко ведрышко,
Выглянь въ окошечко!
Твои дѣтушки плачутъ, —
или
Взойди ясное солнышко:
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ со дѣвицами.

c) Што ты, мѣсячко, да не одинъ на небѣ,
Хоть я одинъ, такъ Богъ меня родилъ
Что есть звѣздочки, то всѣ со мною
или
Свѣти зоре, на все поле,
Закіль мѣсяць зойде!

честь воды [d)], совершали моленія о плодородіи и ниспосланіи дождя [e)], обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться [f)], призывали птицъ развеселить пѣніемъ разцвѣтающія дубровы [g)]. Потомъ отправлялись символическія игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другія означали воспоминанія миѳологическихъ событій. Тогда жъ борьба Свантовита съ Чернобогомъ, смерть и погребеніе Свантовита и возстаніе, какъ египетскаго Озириса или римско-фригійскаго Атиса, изображались драматически, и отъ етаго остался упомянутый выше обрядъ Кострубоньку. Въ пѣснѣ, которую теперь поютъ при погребеніи Кострубонька, изображается плачъ всей природы надъ умершимъ божествомъ, потомъ обрядъ кончается веселыми пѣснями. Изображая оцѣпененіе природы зимою и возвращеніе къ жизни весною, етотъ обрядъ символизуетъ земное странствованіе Свантовита, смерть въ борьбѣ,

---

d) Луга береза разливайтеся
Разлейся вода, вода вешняя!

e) Дождь, дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.

f) Напр. (малорос.) ей луже,
Шуми луже!
Пегайся
Добровенько развивайся!

g) Лѣсъ ты мой, лѣсъ зеленъ; не веселъ
Нѣкому тебя развеселить
Что были пташечки, въ ирей полетѣли.

подобно бальдуровой, и вѣрно возстаніе, подобно озирисову и аттисову. — Кромѣ етаго обряда есть еще нѣсколько другихъ обрядовъ, которые здѣсь излагать въ подробности я несчитаю умѣстнымъ, а предоставляю такое занятіе етнографамъ. Припѣвы: Ладо! Диди-Ладо! (т. е. великій Ладо) Лелю-Ладо! Дана' Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ священной исторіи язычества славянскаго, съ которою свазывается свѣто-и-водо-поклоненіе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, въ Индіи на праздникъ Дробеды, у Грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха [7]. Памятникомъ етого осталась одна хороводная игра, въ которой дѣвицы ходятъ мѣрными шагами, представляя какъ будто что-то носятъ въ рукѣ и поютъ:

Засвѣчу свѣчу
Проти сонечка;
Тихо йде!
А вода по камѣню.
А вода по бѣлому,
—Йще тихше.

Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженныхъ огней.

---

7) Symb. II. 134. III. 335. IV. 563.

Второе значеніе красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянія, то земледѣльческія занятія изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напр. извѣстная игра: сѣяніе проса, и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается паханіе вообще [a], сѣяніе мака [b], хмѣля [c], ячменя и пшеницы [d], льна [e] и разныя сельскія работы [f]. Все это, изображаясь въ священнодѣйствіи, какъ бы освящало полевыя труды поселянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это празднество имѣло значеніе для пастуховъ. Дитмаръ говоритъ, что у Славянъ, весною, былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала руку, держащую желѣзный шаръ. Пастухъ кричалъ: Гонило! стережи! и всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ [8]. У Литовцевъ также праздновался день Гонигла; Гонигло почитался богомъ пастуховъ, но праздникъ со-

---

a) Напр. (малорос.) А за лѣсомъ лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Ой Лелю! Ладо! пахари пахали!

b) Напр. (малорос.) Посѣю, посѣю, чорный макъ,
Да роди Боже червоный.

c) — — (Русск). Перевейся, хмѣль,
Да на нашу сторонку!

d) — — (Русск) Роди; Боже, намъ,
Ячмень усатый,
Пшеничку колоспсту!

e) — — (Малорос) Посѣемо лёну, лёну!
Ой Лелю—Ладо! лёну!

f) — — (Малорос) Ой Лелю—Ладо! громада стояла,
Громада стояла, колодязь копала.

8) Ditm. Chr. — Dzieje Nar. Lit. I. 303.

кидалъ съ торжествомъ солнца. Я полагаю, что литовскій Гониглo есть славянскій Гонило; и у Славянъ онъ означалъ духа-покровителя стадъ, или, что вѣроятнѣе, былъ однимъ изъ наименованій свѣтоносного существа. Гонило значитъ гонящій, какъ Купало совокупляющій. Кажется, шаръ на палкѣ есть символъ солнца.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, вселірная гармонія, физически символизуется въ образѣ бракосочетанія огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовита и Дѣваны. Ето бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствіемъ етой любви былъ всеобщій разцвѣтъ, радость, свѣжесть [a]. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и воднаго женскаго божествъ служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потому, въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при

a) Доказательствомъ служитъ напр. слѣд. пѣсня

Весна, весняночко!
Де твоя дочка панняночка?
Сидитъ у садочку
Шіе сорочку,
Шовкомъ то бѣлью
Къ своему весѣлью!

Здѣсь я разумѣю подъ весною Ладу, а подъ дочерью Дѣванну, сестру и жену Свантовита.

концѣ праздника, а до того времени, въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь, для прославленія верховной любви. Доказательствомъ служатъ пѣсни, въ которыхъ представляется любовь мужескаго пола къ женскому; но никогда одного лица къ другому, а всегда нѣсколькихъ лицъ разомъ, такъ что обыкновенно, три-четыре юноши изображаются то въ видѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, а три или четыре дѣвушки въ видѣ звѣздочекъ, то въ видѣ птицъ, растеній и т. под. И весеннія игры символизуютъ часто любовь и бракосочетаніе, напр. царевичь и царевна, или сѣяное просо, гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ, и т. д. Ети игры, исключительная принадлежность красной горки, были кажется началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку:

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется красною горкою, называется радуницею или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ сосуды съ пепломъ умершихъ, приносили туда жертвы и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торже-

стѣнное пиршество, на которомъ пили-ѣли званные и незванные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начинались борьбы и ристанія, подобно какъ въ древности у Грековъ, что̀ видно изъ Иліады. Эти богатырскія игры считались необходимыми для умершихъ. Оттого самое слово тризна въ лексиконѣ Памвы-Берынды объяснено поединкомъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что, послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря, княг. Ольга пригласила Древлянъ на состязаніе съ Кіевлянами [9]. Объ этомъ обычаѣ напоминаетъ Митрополитъ Кириллъ въ XVII вѣкѣ, говоря что творятъ нѣкіе позоры съ кличемъ и воплемъ біющеся дреколіемъ до самыя смерти [10]. Поминовеніе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что̀ называлось заклинать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе. Козьма Пражскій говоритъ, что въ Чехіи отправлялись языческія игры для успокоенія умершихъ, потомъ возбуждали ихъ (т. е. заклинали по русскому народному термину) и, надѣвая маски, оканчивали поминовеніе весело и шумно [10]. Изъ Стоглава видно, что, во время поминовенія, играли скоморохи и гудники, всѣ перестаютъ плакать и начинаютъ скакать, плясать и бить въ ладоши [12]. Славяне, значитъ, вѣрили, подобно Персамъ, что придетъ день всеобщаго возстанія, день

---

9) Нест. 24.—10) Рус. дост. Т. I. 114.—11) Lib. III. 197.—12) Русск. прост. празд. I. 28.

свѣтозарный, когда Ладъ-Свантовитъ побѣдитъ Чернобога и настанетъ новая земля и новое небо. Памятникомъ етого догмата осталось повѣрье, что есть въ нѣкоторомъ царствѣ люди, которые замираютъ на зиму и воскресаютъ въ день Егорія. т. е. люди умираютъ, когда настанетъ ихъ зима и воскреснутъ въ день побѣды Свантовита, замѣненнаго теперь именемъ христіанскаго витязя.

Послѣ красной горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводъ обыкновенно у водъ, въ рощахъ или ливадахъ. Ето-то были тѣ игрища межю селы, на которыхъ, по словамъ Нестора, умыкаху у воды дѣвица, ето-то тѣ утолоченныя игрища, на которыя жаловались духовные отцы, указывая въ противоположность на пустые храмы Божіи. Я полагаю, что при етихъ игрищахъ не всегда соблюдалось цѣломудріе, покрайней мѣрѣ до извѣстной степени, ибо ети игрища казались для Христіанъ срамными и блудными. Слѣды почитанія лингама у сѣверныхъ Руссовъ при праздникѣ Ярила показываютъ, что понятіе о Ладѣ было довольно нескромное. Несторъ говоритъ, что на игрищахъ по совѣщанію имѣли по двое и по трое женъ. Соображая уваженіе къ супружеству Славянъ, я понимаю ето извѣстіе такъ, что на игрищахъ часто юноши перемѣняли своихъ

любовницъ. Выраженіе въ Кралодворской рукописи: повелѣваютъ намъ имѣть единую дружу отъ Весны до Мораны означаетъ, кажется, то, что Христіане не позволяли сходиться на игрища, гдѣ молодежь пребывала въ непозволительномъ обращеніи. Пѣсни, которыя поютъ весною по вечерамъ наши поселяне, дышатъ часто сладострастіемъ. Прибавьте къ етому описаніе Руссовъ у восточнаго путешественника [15]), гдѣ изображаются въ отвратительномъ видѣ ихъ отношенія къ дѣвушкамъ (а не женщинамъ); и такъ все приводитъ къ тому, что игрища языческія заключали въ себѣ много такого, что́ теперь оскорбляло бы понятіе о благопристойности. Чувство стыдливости преимущественно развито христіанствомъ. Язычникамъ вообще не такъ грѣшнымъ казалось короткое обращеніе между полами. Во всѣхъ почти религіяхъ, сродныхъ славянской, по свѣтопоклоненію, видно не только вольное обращеніе половъ, но священное блудодѣяніе. У Индійцевъ были Баядеры, которыя жили при храмахъ и обязаны были отдавать себя въ наслажденіе мущинамъ въ честь боговъ. Какія мерзости дѣлались въ Египтѣ, можно видѣть во второй книгѣ Геродота. У Вавилонянъ, по свидѣтельству Геродота, при уваженіи къ супружескому союзу, каждая женщина разъ въ жизни должна была отдавать себя чужеземцу въ честь богини Милитты (нашей Лады, быть

12) Ibn-Fotzl. 7.

можетъ Милицы). У Грековъ и Римлянъ на праздникѣ Вакха совершались крайнія непристойности и носили изображеніе дѣтороднаго мужескаго члена, какъ священный символъ плодотворенія. Можетъ быть и у Славянъ было понятіе, что дѣвица должна въ красѣ дней предаться удовольствіямъ, а потомъ уже сдѣлаться вѣрною супругою. Вѣроятно, у Славянъ, у которыхъ, по свидѣтельству Саксона Грамматика, божество наказывало за непозволительное сообщеніе, ето вольное обращеніе не доходило до stuprum, а ограничивалось соблазнительными нѣжностями, поцѣлуями, обниманьями. Но какъ бы-то ни было, ети игрища, по способу ихъ отправленія, заслуживали того, чтобъ Христіане ими гнушались. Самое вѣрное доказательство есть то, что и теперь, особенно въ Малороссіи, на подобныхъ игрищахъ въ селахъ совершаются такіе остатки языческаго студа, которые вовсе уничтожаютъ тѣ похвалы чистой нравственности поселянъ, какія нерѣдко читаемъ въ нашихъ книгахъ.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, Славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ: слово ето совпадаетъ съ семью тысящами дней царствованія Даждь-Бога и семью мечами Руевита. Праздникъ етотъ былъ тотъ же, который называется у Русскихъ Ярилою, а у

Словаковъ Турицами и Лѣтницами [14]. Имя Ярило означаетъ тоже, что Яровитъ, и происходитъ отъ слова яръ, а слово яръ имѣетъ нѣсколько смысловъ: 1, яръ = весна; 2. яръ = мужество bujarost (Краладв. рук.) отвага; 3, яръ = гнѣвъ, ярость; 4, яръ = похоть, ярость; Турицы происходятъ отъ Туръ, что значитъ дикаго быка, а быкъ, мы знаемъ уже, у Славянъ, какъ и у другихъ идолопоклонниковъ, символизовалъ свѣтоносную плодотворящую силу.—И такъ-какъ сила плодородная въ своемъ существѣ была то, что божество свѣта, то етому божеству придавалось названіе Туръ, подобно какъ и у Египтянъ быкъ Аписъ означалъ бога, а оттуда, по сравненію и по образовавшемуся оттого однозначенію словъ: туръ и витъ, называли турами и героевъ; такъ въ словѣ о полку Игоря Всеволодъ называется яръ-туръ. Подобно красной горкѣ Семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ етотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Купала, какъ ето можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ Славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника.

---

14) Slow. Starož. Okr. Cz. I. § 6. p. 51.

Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ епоху сильнѣйшей его дѣятельности, богу Руевиту. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами—вѣрно прежде символическими знаками—служитъ непремѣннымъ условіемъ етого праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно ето дерево—береза, и кажется оно символизовало мать Ладу-природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. У Римлянъ было священное дерево на праздникѣ Атиса и означало матерь Цибелу; тоже значила Майя, принимаемая въ смыслѣ природы и матери міра, Афродиты [15]), въ честь которой ставили дерево, называвшееся arbor majalis [16]); подобно у Индійцевъ изображалась Бгавани, всеобщая матерь, въ образѣ Лотоса [17]). По изысканіямъ ученаго Снегирева, такое дерево у Датчанъ называлось Maistrae, у Англичанъ Maypole, у Нѣмцевъ Maibaum и употреблялась для того береза [18]). Конечно, ето одно понятіе, по которому у древнихъ Кельтовъ высочайшее существо символизовалось также въ видѣ дерева [19]). Поетому-то я полагаю, что и русская березка означала туже мать-природу, въ чемъ убѣждаетъ меня еще и пѣсня

15) Funke III. 406. Symb. IV. 255. — 16) Рус. прост празд. III. 84. — 17) Symb. III. 328. — 18) Рус. прост. празд. III. 328. — 19) Allgem. Weltgesch. Gesch. der Celt.

о превращеніи въ березу женщины, которой очи стали черный теренъ, коса—шелковая трава, слеза—роса. Слѣдовательно, какъ скоро олицетвореніе исчезаетъ, то идея его выражаетъ всю природу.—Къ етому же семицкому торжеству относится и обрядъ погребенія Ярилы; хотя его отправляютъ иногда и послѣ, но какъ въ различныхъ мѣстахъ въ разное время, то вѣрнѣе всего онъ долженъ былъ совпадать съ праздникомъ березки или слѣдовать непосредственно за нимъ. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ: встарину человѣкъ, разрумяненый, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ, окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки не рѣдко до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мужчины съ лингамомъ. Такъ описанъ етотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи Преосвященнаго Тихона [20], который истребилъ и проклялъ идола. — Въ другихъ мѣстахъ— напр. въ Воронежской губерніи—Яриломъ называютъ истуканъ одѣтый въ мужеское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи Ярило изображался въ видѣ молодого человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако видно, что Ярило однозначителенъ съ Кострубонькомъ и Костромою и наконецъ Ладомъ, ибо въ Владимірской губерніи называютъ Ярила Ладомъ [21]. Ярило

20) Опис. жиз. и подв. Преосв. Тих. 26.—21) Рус. прост. празд. IV. 60.

значитъ возбуждающій любовь и похоть, а погребеніе его есть повтореніе или перенесеніе на лѣто весенняго обряда погребенія Кострубонька. Довольно изъ этого, чтобы видѣть, что этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта, изображаемаго въ смыслѣ любовной плодотворной силы. Праздникъ ему приходиться въ то время, когда вся природа бываетъ по русскому выраженію въ яру. Принадлежностью этого праздника есть гаданье, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то, значитъ, Славяне отправляли въ то время люстрацію полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ, и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру кротко, обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ Христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любовниковъ, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ, въ одной напр. пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ, въ другой сожалѣетъ

о скоропреходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсней, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого, въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ: «гуляй, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою». А въ пѣсняхъ лѣтницкихъ мать посылаетъ дочь поневѣститься.

Разомъ съ гуляньемъ, пиршествами и веселыми играми поминали мертвыхъ. Хороводъ переходилъ отъ священныхъ рощь и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми какъ и весною. Оттого въ христіанствѣ въ семицкіе дни рыли могилы для странниковъ. И теперь, около этого времени въ обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, празднуя полную жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда мечь свѣта поразитъ смока и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ тоже время отправлялись жертвоприношенія Русалкамъ; и теперь недѣля послѣ духовой называется русальною. По извѣстію Козьмы Пражскаго, Чехи приносили около праздника Пятидесятницы жертвоприношенія источникамъ [22].

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одно изъ народныхъ празднествъ не

---

22) Cosm. III. 197.

оставался у Славянъ съ его явно-языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, какъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и немогли до сихъ поръ; но оставили намъ любопытныя описанія. Въ Стоглавѣ (въ XVI вѣкѣ) жалуются, что противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи противъ ночи и во весь день до ночи мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ, омываются водою, и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю [23]. Въ Синопсисѣ говорится, что въ Малороссіи въ навечеріи Рождества Св. Іоанна Крестителя собравшеся въ вечеру юноши мужеска женска и дѣвическа пола, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще жь на томъ бѣсовскомъ игралищѣ кладутъ огонь и окрестъ его емшеся за руцѣ нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огнь прескакующе [24]. Густинская лѣтопись гласитъ, что въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи собирается простая чадь обоего пола, сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія и

23) Русс. прост. празд. IV. 37. — 24) Синопс. 48.

препоясавшеся былïемъ, возгнѣтаютъ огнь и доже поставляютъ зеленую вѣтвь и емшеся за руцѣ скоро обращаются окрестъ того огня, поюще своя пѣсни. потомъ чрезъ оный огонь прескакуютъ [25]. Въ Польшѣ такой обычай назывался соботка, и въ XVI столѣтïи служилъ увеселенïемъ даже высшаго класса. Намъ подали завѣтъ матери, говоритъ Янъ Кохановскïй, извѣстный поетъ польскïй, чтобъ когда соловей перестанетъ пѣть и солнце вступитъ въ знакъ рака, непремѣнно была палима соботка [26]. По извѣстïю ботаника Мартина такой огонь, назначенный для перескакиванïя чрезъ него, добывался посредствомъ тренïя дерева объ дерево [27]. У Западныхъ Славянъ ето празднество, называемое также Соботка, такъ укоренилось, что, по извѣстïю Ходаковскаго, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ 23-го Iюня вечеромъ горы Судетскïя, Корконоши и Карпаты кажутся пылающими [28].

Слѣды етого празднества существуютъ у многихъ народовъ. Такъ въ Сѣверныхъ странахъ такой огонь зажигался въ честь Бальдура; въ Германïи онъ называется Iohannisfeuer: Нѣмцы переводили чрезъ него стада свои. Какъ онъ древенъ, видно изъ того, что еще Карлъ Великïй запрещаетъ его Саксонцамъ. Онъ тогда

---

25) Густ. Лѣт. Полн. Собр. Лѣт. II. 257. — 26) Dzieje Jana Kochanowsk. Krak. 1639. — 27) Рус. прост. празд. IV. 29. — 28) Истор. Мал. Росс. Т. III.

называлсѧ Nedfri т. е. Nothfeuer необходимый огонь [29]. Въ Венгріи также зажигаютъ огонь и перескакиваютъ чрезъ него. У Литовцевъ етотъ праздникъ назывался Росса и зажиганіе огнѧ было главнымъ его обрѧдомъ [30]. У Финновъ онъ называется Кокко [31]. У древнихъ Римлѧнъ существовалъ пастушескій праздникъ Палліѧ, когда перескакивали черезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды [32]. Овидій говоритъ, что онъ три раза перескакивалъ черезъ огонь и былъ кропимъ водою съ лавровой вѣтви [33]. У Грековъ очищеніе посредствомъ огнѧ и воды составлѧло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха [34]. Въ глубокой древности на праздникѣ Весты — 23 Іюнѧ, кропили водою домы и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры [35]. У Монголовъ былъ такой же обычай, какъ видно изъ того, что князю Михаилу черниговскому Батый велѣлъ пройти сквозь огнь и поклониться кусту и огню [36]. У Симетическихъ народовъ существовало подобное перехожденіе черезъ огонь. Такъ отступники цари Іудейскіе Манассіѧ и Ахазъ проводили дѣтей своихъ чрезъ огонь по обычаю ѧзычниковъ [37]. Такимъ образомъ, торжество Купала

---

29) Lindenbr. Capit. — 30) Dzieje Nar. Lit. I. 306. — 31) Русс. прост. празд. IV. 27. — 32) Funke. IV. 26. — 33) Fastes VIII. — 34) Symb. IV. 563. III. 330. — 35) Русс. прост. празд. 24. — 36) Соф. врем. I. 261.
37) Паралип. 33. 6 — Царств. IV. 16. 3.

у Славян было общим праздником всего языческаго міра.

Вот как отправляется етот праздник в южной Россіи: прежде всего юноши и девицы купаются, потом надевают венки из черноклена с душистыми травами, подпоясываются чернобыльником (artemisia vulgare) и, пред захожденіем солнца, собираются на возвышенном месте непременно над рекою. Ставят два изображенія: одно—чучело на подобіе человека, другое — дерево, увитое женскими уборами, лентами и венками: дерево обыкновенно бывает чернокленъ; потом раскидывают кучи соломы, зажигают и, постановившись кругом, поют песни, и, взявши в руки изображенія, по-парно парень с девкою, прыгают через огонь, потом, когда все перепрыгнут, бросают в воду изображенія, из которых мужеское называется Купалом, а женское Мареною. Вслед за тем бросают с себя венки в воду. В песнях, поемых при етом, говорится, что Купало (переделываемый обыкновенно в Ивана) купался, что играло на нем солнце, и что, наконец, накупавшись, он упал в воду. Поют также о Марене, что она необыкновенная красавица, играла в высоком тереме, потом бросилась в воду. Кроме того, поют о каком-то женском существе, утонувшем в Дунае, и о мужеском, изрубленном девицами и превратившемся в несколько цветов.

Кромѣ всего етого, прочія пѣсни содержанія еротическаго и почти варіанты свадебныхъ.

Изъ етого я заключаю: — что два изображенія — мужеское и женское: Купало и Морена — означаютъ Лада - Свантовита — свѣтоносное начало, и женское водное начало или Дѣвану: теперь они называются въ народѣ царь огонь и царица водица. Купало есть одна изъ номинацій божества; Купало значитъ совокупляющій, какъ Ярило — возбуждающій къ любви. Слова: Купало (или Иванъ) купался, накупался, да упалъ въ воду—значатъ, что Ладъ-свѣтъ, кохался съ Дѣваною-воднымъ началомъ и соединился бракомъ, изъ какого соединенія образовалась полная жизнь и любовь въ твореніи. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія; оттого, по народнымъ суевѣріямъ, и солнце три раза останавливается на день Св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, послѣ вступленія солнца въ знакъ рака, заключается въ природѣ процессъ растенія и возбужденія; — по етому, тогда солнце представляется на высочайшей крайней степени своей всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ етотъ день былъ великъ у Славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ въ продолженіи праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Ето доказывается

тѣмъ, что пѣсни купальскія — есть, по большей части, однѣ и тѣже, что свадебныя; — въ нихъ уже мало поется любви, а если поется, то о супружеской; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовку. Какъ купанье, такъ и перескакиванье чрезъ огонь—обряды брачные и, кажется, у Славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчанье. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI вѣкѣ, жаловался Митрополиту Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья [38]. Огонь же употребляется на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пиру молодые перескакиваютъ чрезъ кучу зажженной соломы, какъ на Купала. Въ етомъ предположеніи, что Купало означалъ также и брачное торжество, утверждаетъ меня то, что, по окончаніи всей церемоніи, бросаютъ вѣнки въ воду, а брошенный въ воду вѣнокъ въ малороссійской поезіи неизмѣнно символъ окончанія дѣвства. Оттого, и на свадьбахъ невѣста ходитъ въ вѣнкѣ, и снимаетъ его, когда станетъ женою.

Въ хозяйственномъ отношеніи етотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ етотъ день собираются обыкновенно травы, какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже

38) Русс. Достоп. I. 101.

вѣнки съ праздника Купальскаго признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. — Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебренную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали Славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ начатію полевыхъ работъ, и полагая, что етимъ они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ [39]. И потому, справедливо нѣкоторые ѳиѳографы называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородія.

Я не знаю навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значеніе для усопшихъ, но то знаю вѣрно, что̀ огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ Русскіе объясняли арабскому путешественнику, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобъ умершіе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно достигнули блаженства посредствомъ огня [40]. Въ Богеміи ежели и хоронили трупы не сжигая, то считали необходимымъ, чтобъ на могилѣ три или семь дней горѣлъ огонь [41]. Что̀ вода была также

39) Lindenbr. Capitul. — 40) Ibn-Fotzl. 21. — 41) Kron Czeska.

необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанію того же аравскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ [42]. Святославъ, для успокоенія усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ [43]. У Приволховскихъ Славянъ куски дерева, изъ котораго дѣлается гробъ, бросаются въ воду или сожигаются. — Въ Малороссіи бросаютъ шелуху красныхъ яицъ въ воду, надѣясь, что она по водѣ дойдетъ къ мертвымъ около дня Купала. Наконецъ, важно еще и то, что около етого праздника у Малороссовъ есть день, называющійся навій великъ день т. е. воскресеніе мертвыхъ. Я думаю, что Славяне полагали день Купала, величайшій день годичной дѣятельности солнца, днемъ окончительной побѣды огне-свѣта надъ тьмою и зломъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада начинались полевыя работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовиту - Ладу, теперь называемый обжинки. Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у Прибалтійскихъ Славянъ такимъ образомъ.—»Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, переводя отъ благоговѣнія дыханіе и смотритъ:

---

42) Ibn-Fotzl. 13. — 43) Ист. Льва Діак. 93.

Єсть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Єжели нѣтъ или мало, єто служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма: жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобъ никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того, онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовой пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: что, видите вы меня? Єжели єму отвѣчаютъ: не видимъ, то онъ говоритъ: ну чтобъ же вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ [44])! Єто драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ почитать, какъ бы оно было объ нашемъ русскомъ отечествѣ. До сихъ поръ у Малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный къ времени Рождественскихъ Святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: видите ли вы меня, дѣти? єму отвѣчаютъ: не видимъ. Онъ говоритъ: ну дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли. Употребленіе медоваго пирога было и у Грековъ священнымъ. Послѣ обряда праздникъ проводился Славянами въ пиршествахъ и забавахъ.

44) Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XVI. 289.

Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество ето съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при етомъ обряды, истинно мидологическіе, напр. дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины, или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и женцы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у Славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до minimum своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ етотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ мидологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. Въ Персіи праздновали Мигрганъ, въ концѣ декабря и называли праздникомъ рожденія непобѣдимаго солнца. Подобно тому и въ Египтѣ жрецы торжествовали рожденіе Озириса. У Римлянъ тогда отправлялись Януарскія Календы, называвшіяся также Natales Solis invicti. Етотъ праздникъ принадлежалъ также и къ поклоненію Митрѣ, называвшемуся непобѣдимымъ солнцемъ. Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ раждающагося солнца. У Скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Іолы въ знакъ возвращающагося солнца. Въ Англіи долгайшая зимняя ночь называлась материнскою, ибо съ етихъ поръ день прибавлялся и солнце входило въ прежнюю силу,

т. е. раждалось [45]). У Славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь Колядою; нѣкоторые утверждали, что ето наименованіе божества мира, другіе отвергали всякое миѳологическое происхожденіе етого праздника и думали, что Коляда есть испорченное слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ Поляковъ, которые заимствовали отъ Западныхъ Европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя Коляды, при томъ находимъ видимое сходство обрядовъ етого праздника съ древними подобными миѳологическими торжествами. Я не стану излагать всѣхъ етихъ сходствъ, а укажу на прекрасное сочиненіе Снегирева: Русскіе простонародные праздники, гдѣ ето достаточно показано. — Полагаю же, что имя Коляда — вовсе не произошло отъ Calendae, а скорѣе однознаменательно съ словомъ Іола, означающимъ колесо — кругъ солнца; тоже значитъ и коляда отъ коло — кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ етотъ праздникъ у Славянъ отправлялся въ честь раждающагося солнца; изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ Славяне начинали съ зимняго поворота. Озирисъ-Свантовитъ, пораженный на время Тифономъ-Чернобогомъ, возстаетъ и начинаетъ свой процессъ оживленія природы. А такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою

45) Рус. прост. празд. II. 1—29.

постоянно и сначала оно является въ маломъ видѣ, то отъ того и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи: оттого и произошло изображеніе женщины — олицетворенной природы — съ младенцемъ. Оттого и Поревитъ изображался безоружнымъ: ето значило, что свѣтъ управляетъ міромъ, но уже безъ орудія борьбы съ тьмою и смертію, а голова на груди Поренута означала самовозрожденіе. Памятникомъ етому служитъ пѣсня:

Уродилась коляда
На канунѣ рождества.

Можетъ быть, и должно быть — съ етимъ временемъ совпадало пришествіе на землю свѣтоноснаго начала въ видѣ человѣка; многія колядки, повидимому относящіяся къ Дѣтству Божественнаго Искупителя, кажется относятся къ языческому воплощенію. Такъ, напр. въ одной колядкѣ, говорится, что матерь родила сына — искупала его въ морѣ, а мы знаемъ, что солнце купается, а, по литовской мидологіи, матерь его живетъ близъ моря. Вѣроятно, ето былъ также праздникъ сотворенія міра, ибо въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ объ етомъ говорится, и говорится при томъ совершенно по языческимъ понятіямъ. Въ то время совершались священныя игры, какъ видно изъ зимнихъ хороводовъ, и приносились жертвы. Такъ въ одной русской пѣснѣ святочной изображается явно — языческое жертвоприношеніе: въ лѣсу горятъ

огни, вкругъ огней стоятъ скамьи, на скамьяхъ сидятъ юноши и дѣвицы,

Поютъ пѣсни калёдушки,
По срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати,
Ты, братецъ, Йванушко,
Ты види, ты выпрыгни,
А радъ бы выпрыгнуть
Горючь камень къ котлу тянетъ,
Желты пески сердце высосали [46].

Въ отношеніи семейственномъ етотъ праздникъ имѣлъ, кажется, то значеніе, что тогда составлялся хороводъ на весну и освящается религіозными обрядами. Въ пѣсняхъ, которыхъ въ такомъ родѣ больше всего, изображается приготовленіе къ любовнымъ занятіямъ. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ етимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ атрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью, — то прельщая красотою. Дѣ-

46) Сахар. Рус. свят. 16.

вицамъ расхваливаютъ ихъ наряды, ихъ красоту, и говорятъ, что скоро сберутся къ ней князи и бояре, (т. е. женихи) будутъ искать любви ея и наконецъ возьметъ ее доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части, гаданья, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Изъ множества гаданій я считаю не лишнимъ привести на память нѣсколько такихъ, которыя несомнѣнно относятся къ языческому міру. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади:—дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его черезъ бревно: ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ — сердитый. Гаданье посредствомъ кольца также древнее, потому что слѣды его есть въ Краледворской Рукописи. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, ѣсть хлѣбъ, брать кольца и т. под. сходно съ гаданьями римскихъ Авгуровъ. Гаданье посредствомъ накрытаго прибора въ банѣ сходно съ римскими гаданьями, описанными Св. Августиномъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ и, по скорому зажженію заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданья исключительно семейныя. Поэтому, я полагаю, что въ

язычествѣ на праздникѣ Колады — рожденія солнца — составлялся и освящался хороводъ, котораго члены — юноши и дѣвицы — долженствовали на будущую весну своею любовію прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ — жизнію, а въ языческой богословіи символическимъ бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія праздникъ Колады имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у Малоруссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такогожъ благоденствія на другой годъ. Богъ тебе кличе! — говорится въ одной щедровкѣ: — даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса. Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспослетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ въ благодарность за хорошее желаніе долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У Великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что̀ значитъ принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ [47].

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую берутъ, закинъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. — Обычай посыпать зерномъ на новый годъ наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется авсень у Великороссовъ и у Малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Я полагаю, что етотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У Малороссовъ поется при етомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ—свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо начало, — Бѣлый Богъ, Свантовитъ, покровитель земледѣлія. Встарину праздникъ Колядки, или новаго года былъ временемъ гаданій политическихъ: такъ изъ Олафовой Саги мы видимъ, что въ Новгородѣ на праздникѣ Іолы или Коляды приносима была передъ народъ мать Владиміра, которая славилась прорицаніями и она предрекла о пришествіи сѣвернаго героя въ Гардарикію [48].

47) Рус. Свят. 11. — 48) Русск. Историч. Сборн. IV. 31.

III.

Замѣчанія о языческомъ славянскомъ богослуженіи вообще, а въ особенности въ Россіи.

Религіозныя основанія у всѣхъ Славянъ были одни, что видно изъ сходства нынѣшнихъ народныхъ обрядовъ, празднествъ, повѣрій и гаданій; но въ частномъ развитіи религія славянская была разнообразна. Намъ несомнѣнно говорятъ, что у Прибалтійскихъ Славянъ были капища или храмы, было жреческое сословіе. Но нѣтъ слѣдовъ ни того, ни другаго, у Руссовъ, Поляковъ и Чеховъ. Несторъ говоритъ, что у Руссовъ въ Кіевѣ стояли идолы на холмѣ, а о жрецахъ и храмахъ — нѣтъ ничего. При описаніи обращенія въ Христіанство русскихъ, польскихъ и чешскихъ Славянъ нигдѣ не говорится объ оппозиціи жрецовъ и объ истребленіи капищъ. Въ пѣснѣ: Забой, Славой и Людекъ описывается борьба язычниковъ съ Христіанами въ Чехіи, и кажется если гдѣ, то тамъ должны бы мы были встрѣтить жрецовъ и капища, а между тѣмъ и тамъ нѣтъ ничего: идолы стояли въ священной рощѣ: тамъ совершали имъ жертвоприношенія, тамъ молились. И въ уставѣ князя

Владиміра запрещается молиться у воды или, у рощенія, но не въ капищахъ [1]. Извѣстный почтенный нашъ археологъ Зоріанъ Ходаковскій хотѣлъ во-чтобы-то ни стало найти капища и жрецовъ въ языческой Россіи. Онъ полагаетъ (между множествомъ другихъ доказательствъ), что храмами у нашихъ предковъ были городки или городища, тѣ небольшія земляныя насыпи съ входомъ внутрь, обыкновенно полукруглыя, которыя встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Относительно жрецовъ Ходаковскій думаетъ, что слово князь однозначительно съ словомъ ксёндзъ, и доказываетъ тѣмъ, что въ литовскихъ бумагахъ русскихъ священниковъ называютъ попами, а латинскихъ князьями. Онъ видитъ жрецовъ въ договорѣ Олега въ свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ рукою великаго и полагаетъ, что если они не участвовали въ походѣ, то значитъ они были жрецы, и самому великому князю приписываетъ значеніе духовной особы, потому что Несторъ, говоря о холмѣ, на которомъ стояли идолы, сказалъ, что тамъ творили требы князь и людіе [2]. Но всѣ городки и всякаго рода земляныя фигуры еще не могутъ быть непреложно признаны славянскими; кто можетъ доказать, что другіе народы не дѣлали подобныхъ,—особенно тогда, когда онѣ попадаются въ Восточной Россіи, гдѣ жили Финны, болѣе еще чѣмъ въ Югозападной, гдѣ из-

1) Карамз. Т. I. пр. 505. стр. 483. — 2) Русск. Историч. Сборн. Т. I. кн. 3. стр. 1—109 Ibid. Т. III. кн. 3. стр. 199—229.

давна обитали Славяне? Слово городъ не можетъ быть принято исключительно въ смыслѣ храма, ибо городъ означаетъ у Славянъ вообще всякій кругъ или загороженное мѣсто; отъ того и садъ — вертъ — называется вертоградъ, отъ того и круглый хороводъ называется городокъ; и вѣнокъ носитъ названіе города, и женскій головной уборъ называется городъ. Съ етимъ согласенъ самъ Ходаковскій. Городки или земляныя фигуры могли быть пригодны для богослуженія менѣе, нежели для защиты отъ непріятелей, въ случаѣ внезапнаго нападенія, для засадъ, и для укрыванія хлѣба; а что Славяне такъ поступали, ето намъ извѣстно. Относительно жрецовъ, — хотя князь творилъ требу, но ее творили и людіе; и такъ ето не было исключительною принадлежностію князя. По моему мнѣнію, у Славянъ не было жрецовъ, но, какъ у народа сугубо-патріархальнаго, каждый отецъ семейства имѣлъ право приносить съ родомъ своимъ жертвы и возсылать предъ всѣми моленія. Изъ Гельмольда мы знаемъ, что, несмотря на видимое существованіе духовнаго класса у Прибалтійскихъ Славянъ, приносить жертвы могъ всякій; такъ въ святилище Прове допускались всѣ тѣ, которые изъявляли желаніе приносить жертву. Но такъ-какъ и въ гражданскихъ дѣлахъ старѣйшины — Patres familiarum у жизнеописателя Оттонова [3]), владыки у Чеховъ — имѣли первенство на вѣчѣ, завѣдывали порядкомъ, рѣшали

3) Vit. Sanct. Ott.

недоумѣнія, составляли высшій правительственный классъ народа, то, безъ сомнѣнія, они первенствовали и въ богослуженіи. Отъ того и въ Краледворской Рукописи, въ пѣснѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людекѣ, говорится, что приносилъ богомъ жертвы отчикъ (отецъ). А такъ-какъ у Славянъ въ язычествѣ князь въ общинѣ имѣлъ такое значеніе, какое каждый отецъ семейства, владыка въ своемъ родѣ, и какъ значеніе основалось всегда на томъ же правѣ первородства и патріархальной власти, то и князь въ отношеніи общины или державы первенствовалъ въ богослуженіи, совершалъ жертвоприношенія и возсылалъ моленія всенародно какъ священникъ, тогда, когда дѣло касалось цѣлой общины; подобно какъ отецъ или владыка священнодѣйствовалъ тогда, когда касалось его рода. Вотъ отъ чего у Нестора сказано: творяху требы князь и людіе. Я полагаю, что даже и въ Прибалтійской Славянщинѣ значеніе жрецовъ имѣло такое же основаніе, ибо Дитмаръ называетъ такія лица назначенными къ святилищу. Стало быть, голосъ народа участвовалъ при избраніи жреца, а поэтому, значитъ, тамъ не было касты. Мы уже знаемъ, что теперь въ Малороссіи отправляется обрядъ, весьма сходный съ обрядомъ при храмѣ Свантовита: — етотъ обрядъ отправляется отцомъ семейства; — немудрено ежели и жрецъ Свантовита былъ старѣйшій изъ отцовъ семействъ. Власть жрецовъ, говоритъ Гельмольдъ, такъ велика, что и царь меньше почи-

таетсѧ, нежели жрецъ. Но что значитъ у Гельмольда царь? мнѣ кажется, что вѣрно воевода, а настоящій царь или князь и есть - то жрецъ. Но тѣмъ не менѣе ети отцы семейства, завѣдуя храмомъ, составляли уже какъ бы особенное сословіе: ибо обманывали народъ суевѣріями, гаданіями, явленіями, для своей выгоды, и держали въ тайнѣ свою науку.

Въ Прибалтійской Славянщинѣ богослуженіе носило правильный образъ: жрецы имѣли бѣлыя богослужебныя одежды, свои особенные термины и слова, священныя палки, которыми они значительно ударяли въ землю. Мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать существованія такихъ обрядовъ въ прочихъ странахъ Славянщины, хотя вѣроятно, что и у насъ въ Россіи были положенные обряды, которые переходили отъ поколѣнія въ поколѣніе и такъ составляли богослуженіе. Ѐто видно изъ нынѣшнихъ народныхъ обрядовъ; ежели они дошли до насъ чрезъ столь долгое время, то должно предполагать, что они были нѣчто правильное. Однако, религія славянская, хотя человѣчески разумная, благородная, доходила даже до грубаго фетишизма въ народѣ. По сказанію Ібн-Фоцлана [4]. Руссы покланялись истуканамъ и клали у подножія ихъ съѣстные припасы, думая, что все то подается богами, когда въ самомъ дѣлѣ расхватываютъ птицы. Въ пѣснѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людекѣ — отецъ приносилъ богамъ честь. Впрочемъ, какъ у Славянъ

4) Ibn—Fotzl. 9.

были священныя птицы, и притомъ, самые боги, — какъ видно изъ мида о кукушкѣ — превращались въ птицъ, то, можетъ быть, Руссы въ самомъ дѣлѣ кормили птицъ и Арабъ несправедливо заключилъ, что пища предназначена для деревянныхъ боговъ и похищена птицами.

Относительно того, были ли въ Россіи храмы, мы, основываясь на извѣстіяхъ лѣтописныхъ и другихъ памятникахъ, должны сознаться, что не можемъ признать ихъ существованія, но однако не можемъ и отрицать. Вообще храмы языческихъ народовъ значили не то, что теперь у насъ церковь; храмы не стояли въ каждомъ селѣ, а находились въ немногихъ мѣстахъ, почитавшихся особенно священными. Гельмольдъ говоритъ, что вся Славянщина стекалась къ храму Свантовита: вѣроятно, что Русскіе Славяне туда ѣздили; но быть можетъ и въ Россіи было нѣсколько такихъ храмовъ.

Несторъ вообще мало распространяется о язычествѣ Славянъ Русскихъ. Мы узнаемъ изъ него, что Владиміръ поставилъ на холмѣ возлѣ двора теремнаго истукана Перуна съ серебряною головою и золотымъ усомъ, Даждь-Бога Хърса, Стрибога, Симаргла и Мокошь [5]. Я уже выше объяснилъ, что Перунъ и Даждь-Богъ суть наименованія свѣтоноснаго существа. Стрибогъ называется въ Словѣ о Полку Игоря дѣдомъ вѣтровъ, а въ малороссійскихъ сказкахъ мы

5) Нест. Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. I. 34.

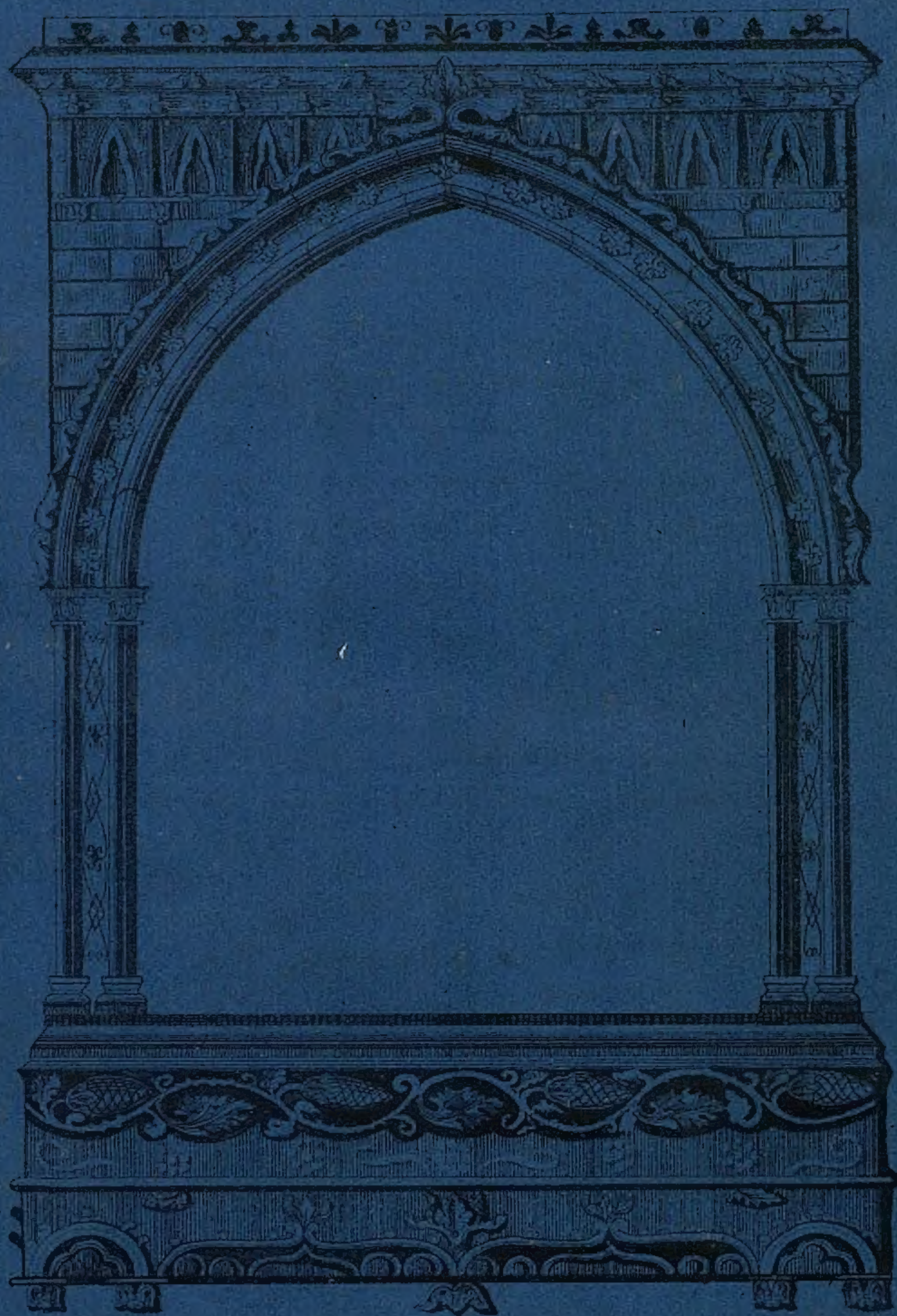
встрѣчаемъ вѣтрова батька: это духъ, олицетворенный вѣтеръ. Мокошь, какъ я уже сказалъ выше, значило воду. Что касается до Симаръ-гла — я не въ силахъ объяснить этого чуждаго и вѣрно испорченнаго названія. Хърсъ объясняется изъ персидскаго языка: Коршъ или Коршидъ — значитъ солнце. Но можетъ быть слово Хърсъ однозначительно съ красъ красный. У Нестора оно повидимому относится къ Даждь-Богу; ибо слово это не отдѣлено отъ слова Даждь-Богъ союзомъ — и, — подобно другимъ наименованіямъ. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ говорится, что чудодѣйственный Всеславъ добѣжалъ до куръ Тьмутаракань: великому Хръсови путь прерыскаше. Тоесть: до пѣнія пѣтуховъ онъ прибылъ въ Тьмутаракань, опереживая Хръса, то, что является послѣ пѣнія пѣтуховъ т. е. солнце. Персидское слово легко могло зайти къ нашимъ предкамъ, при сходствѣ свѣтопоклонничества Персовъ и Славянъ еще въ глубочайшей древности. Кромѣ этихъ боговъ, Несторъ упоминаетъ о Волосѣ, называя его скотіимъ богомъ; въ Словѣ о Полку Игоря онъ названъ Велесомъ, а Боянъ, поэтъ, его внукомъ. Сабининъ полагаетъ, что это богъ богатства (скотъ значитъ богатство) физическаго и духовнаго, равнозначителенъ съ Діемъ и однознаменателенъ съ Перуномъ. Глинка производилъ Велесъ отъ веліи, Руссовъ и Вельтманъ видѣли въ немъ ассирійскаго Бела: Белъ былъ тоже божествомъ животныхъ. Рѣшительно отказываюсь отъ толкованія, ибо

не вижу никакой пользы пуматься въ догадкахъ. Конечно, ето или одно изъ знаменованій свѣта, или духъ-покровитель стадъ, котораго значеніе перенесено впослѣдствіи на св. Власія.

Хотя несторовы боги, повидимому, отличались отъ божествъ другихъ Славянъ, но такъ-какъ миѳологическія названія были коллономинаціями однѣхъ и тѣхъ же существъ, то несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые хотятъ отдѣлить русскую миѳологію отъ миѳологій другихъ Славянъ. Кромѣ истукановъ, поставленныхъ на холмѣ перуновомъ, Славяне Русскіе имѣли еще обширнѣйшій запасъ миѳологіи, ускользнувшій отъ лѣтописцевъ. Мы уже знаемъ навѣрное, что Славяне Русскіе чествовали Ладу, матерь природу, и бога-свѣта подъ мужескимъ такимъ же именемъ, хотя у Нестора нѣтъ етихъ именъ. Кромѣ сихъ именъ въ пѣсняхъ, есть множество урочищъ въ Россіи, напоминающихъ названіе Лады и Лѣда: въ одной новгородской губерніи Ходаковскій насчиталъ ихъ девять; тамъ же онъ сосчиталъ шесть, напоминающихъ епитетъ Лада — Лелисъ = свѣтлый. По извѣстіямъ тогоже достойнаго археолога, у насъ существуютъ названія Бѣлобоги, Чернобоги, Бѣлославы, Чернославы, Радогосты, напоминающіе Бѣлбога, Чернобога и Радогоста: доказательство, что прибалтійскія божества были намъ нечужды. Притомъ, есть у насъ еще нѣсколько такихъ, которыя указываютъ на бытіе вовсе неизвѣстныхъ миѳоло-

гическихъ существъ, напримѣръ: Радобужъ, Хотобожъ, Любужъ, Жедобужъ, при переводѣ на теперешній языкъ Радъ-Божій, Любо-Божій, Хоти-Божій, Жадъ-Божій: можно предполагать существованіе какихъ-то Радо-боговъ, Любоговъ, Хоти-боговъ, Жадо-боговъ. Если мы прибавимъ ко всему етому сходство обрядовъ другихъ Славянъ съ нашими, а въ особенности сходство между гаданьемъ посредствомъ коня при храмѣ Свантовита и нашимъ святочнымъ, сходство между праздникомъ жатвы въ Арконѣ и обычаемъ въ Малороссіи предъ рождественскими святками, то несомнѣнно признамъ: 1) что наша миѳологія была несравненно полнѣе чѣмъ ее представилъ Несторъ; 2) что наша миѳологія имѣла тѣсную связь съ миѳологіею Западныхъ Славянъ, такъ что въ существѣ она была одно и тоже.

КОНЕЦЪ.

2007056741